

Э. Успенский

Все
лучшие повести
о больших
приключениях

Эдуард Николаевич Успенский
Все лучшие повести о
больших приключениях
Серия «Вся детская классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6084881

Успенский Э.Н. Все лучшие повести о больших приключениях: АСТ;

Москва; 2013

ISBN 978-5-17-079118-7

Аннотация

Разумные дети и разумные звери хорошо понимают то, чего не понимают взрослые: жизнь прекрасна, но надо быть очень осторожными, чтобы ее не испортить. В книгу Э. Успенского вошли повести «25 профессий Маши Филиппенко», «Меховой интернат», «Подводные береты» и «Жаб Жабыч Сквородкин».

Содержание

Двадцать пять профессий Маши Филипенко	4
Вступление, или Почти начало	4
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	43
Глава 4	65
Глава 5	73
Глава 6	85
Глава...	105
Повесть о том, как девочка Маша работала геологом в геологической экспедиции	106
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Эдуард Успенский

Все лучшие

повести о больших

приключениях (сборник)

Двадцать пять профессий
Маши Филипенко

Вступление, или Почти начало

Однажды в третий класс, в котором училась Маша, пришел лектор. Он был пожилого возраста, старше тридцати, такой, ничего себе, в сером костюме, и сразу сказал:

– Здравствуйте, меня зовут профессор Баринов. Сейчас мы все возьмем ручки и напишем сочинение: «Что бы я сделал, если бы я был председатель горсовета». Понятно?

Ребята во главе со старостой Киселевым вытаращили глаза и сказали:

– Понятно.

Хотя им ничего понятно не было. А профессор продол-

жал:

– Лучшие сочинения будут переданы в горсовет и выполнены. Договорились?

Ребята посмотрели на Екатерину Ричардовну. Она кивнула им головой: мол, пишите, ребята, договорились.

И они начали писать. Класс у Екатерины Ричардовны очень самостоятельный. Раз она решила за них, что надо писать, они уж напишут.

Главное – их включить. И вот они сидели, залитые последними осенними лучами солнца, и писали. А профессор Баринов смотрел во все стороны: в окно, на лампочки, в шкаф, только не на Екатерину Ричардовну. Наверное, влюбился.

Валера Готовкин, сосед Маши Филипенко по парте и главный школьный друг, написал:

«Если бы я был председателем городского совета городских трудящихся, я бы не ломал старые дома. Которые из дров. Они такие старинные у нас. Я бы ставил их на крыши новых кварталов. Или бы оставлял их во дворе для играния ребят. Чтобы они сохранились для будущих детей и людей. И еще я на улице сажал бы не деревья, а яблони».

Дима Аксенов, второй Машин школьный друг, заместитель Валеры Готовкина по хозяйственной части, поглядел, что у него написано, и тоже написал:

«Я бы сделал так, чтобы на газонах росли капуста и помидоры. Уж, в крайнем случае, репа. И надо, чтобы граждане на балконах сеяли картошку и виноград. Тогда с продуктами

будет легче, когда они созреют. Если бы я был председателем, я бы запретил продавать водку в магазинах и везде».

Дима Аксенов был легендарный мальчик, очень глазастый и очень хозяйственный. Его глаза всегда были распахнуты и на хозяйство направлены. Он всегда знал, в какой магазин что завезли и где что выбросили. Где валенки, где рыбу. Родители на него не нарадовались. А папа у него выпивал.

Впрочем, не только Дима Аксенов был хозяйственный. И другие дети тоже. Только каждый по-своему. Маша Филипенко придумала так:

«Если бы я была председательница городского совета, я бы сделала так, чтобы электрички и метро по ночам ходили в один вагон. А то они идут длинные и пустые. И еще. Я перенумеровала бы все станции «Киевская». А то их много и я в них с мамой путаюсь. Надо, чтобы была «Киевская-1», «Киевская-2» и «Киевская-3». И еще. В больших домах дети много пользуются лифтами без толку. Особенно вниз. Надо сделать специальные детские винтовые съезжалки на ковриках».

В общем, ребята много чего толкового написали. Так что пожилой профессор Баринов стал еще пожилее и серьезнее. Он прочитал все сочинения и сказал:

– Я всегда считал, что дети – это люди с незамутненным мышлением. Сегодня я в этом еще раз окончательно убедился. Мы все сочинения передадим заместителю председателя горсовета по улучшению товарищу Костомарову. Потому

что в сочинениях есть много ценных советов. И пусть он их воплощает. Но этого мало...

Профессор положил руки за спину и сурово прошелся по золотому от солнца классу. Значительно оглядел всех, кроме Екатерины Ричардовны, и продолжал:

– Среди ребят с незамутненным мышлением встречаются особо незамутненные ребята. У вас тоже есть один такой ребенок. Я не буду называть его точно, чтобы не смущать. Просто скажу, что это Маша Фэ. Или Филипенко Мэ. И этот ребенок понадобится нам для дальнейших исследований и работ.

– А какие у вас исследования? – спросила Екатерина Ричардовна. – Этот ребенок очень зазнавательный, и вы можете его испортить.

Удивительный человек Екатерина Ричардовна. Никогда не кричит, никогда никого не наказывает, а все ее слушаются. Она даже двойки ставит совсем не двоичные, а воспитательные.

– Мы исследуем производство – колхозы, фабрики, магазины. Стараемся новыми глазами посмотреть на старый труд. Берем ребят с незамутненным мышлением и сажаем на взрослую работу. Чтобы ребята делали открытия.

– И у вас уже есть успехи?

– Да, и очень большие. Вы слышали, что недавно у Савеловского вокзала подъемный кран упал на электричку?

– Слышали.

– Это результат нашей работы.

– В чем же тут успех?

– На кране работал наш улучшатель мальчик Валера Петросов. Он грузил вагоны и увидел машину с квасом. И решил машину с улицы перенести на платформу к пассажирам. Кран упал, квас разлился. Но мы узнали, что устойчивость крана недостаточная, что ее надо увеличивать. А главное – сработало противопадающее устройство мальчика Петросова.

– В чем же оно заключалось? – спросила засекреченная Маша Фэ. – Кран не до конца упал?

– Кран упал до конца. Но с мальчиком ничего не случилось. По его предложению кабина крана была оклеена надувными матрасами. И теперь все крановщики так работают.

Профессор Баринов попрощался и ушел. Он только еще зашел в учительскую и спросил адрес незамутненной третьеклассницы Филипенко М.

Оставшийся третий «А» долго сверкал и светился под взглядами любимой Екатерины Ричардовны. Вот это урок – ни одного замечания, ни одной даже тройки!

Глава 1

Первая профессия Маши Филипенко

Лучшая закройщица

Целую неделю Маша жила как на вулкане. И все ждала, когда же он взорвется, когда ее позовут исследовать колхозы и фабрики. И вот наконец она приходит из школы, а в почтовом ящике открытка.

«Уважаемая Маша!

Институт Улучшения Производства приглашает тебя для получения работы. Ждем тебя в понедельник, в три часа дня. Рекомендуем прийти вместе с родителями (папа, мама), но без бабушек и дедушек. При себе необходимо иметь дневник и фотографию.

Нам кажется, работа тебе понравится. Тем более что она оплачиваема. Наш адрес: дом, самый близкий к Музею Пушкина.

Главный ученый института — профессор Баринов».

Маша как вытаскала открытку из почтового ящика, так с места и пошла в Институт получать работу. Чего там понедельник, зачем там беспокоить родителей – папу и маму.

Через теплый дождик по городу прошагала она по указанному адресу.

У входа в длинное трехэтажное здание ее остановил вахтер.

– Ты куда?

– К ученому Баринову. По приглашению.

– Успеется. Дневник при тебе?

Видно, этот вахтер никуда не спешил.

– При мне.

– Покажь, пожалуйста.

Маша достала дневник. Вахтер долго горестно кашлял над ним:

– Надо же! Восемь троек. А туда же в незамутненные попала. Ну и времена. Не иначе как родители ценный подарок сделали руководству. Или родственники из министерства звонили.

У Маши так и заскакали в голове всякие остроумные выражения типа: «Сами вы ценный подарок!» или «Это ваши родственники звонили из министерства, а мои не звонили!». Но Маша сдержалась, ничего не сказала, строго взяла дневник и прошла мимо.

Она поднялась на второй этаж. По бокам на дверях висели таблички: «Сотрудник по алгебре», «Сотрудник по русскому языку», «Начальник отдела диктантов».

Маша сразу поняла, зачем эти сотрудники. Если какой-то улучшатель увлечется улучшением и нахватает двоек, его

немедленно начнут подтягивать. Профессор Баринов очень обрадовался, что Маша пришла. Он усадил ее в мягкое кресло, так что Маша совсем исчезла, и сказал:

– Мы вас направим в ателье женской одежды. Там уже три года не выполняется план. Им прислали сильную руководительницу, но и она ничего не может сделать. Посмотрите, в чем там у них дело, и столкните с мертвой точки. Их необходимо расшевелить, взбудоражить.

Он забрал у Маши фотографию и повел ее в отдел кадров. Там строгие люди в очках выдали ей напечатанное на бланке направление на работу. Маша взяла его и весь вечер радостно читала:

«Институт Улучшения Производства направляет свою улучшительницу Марию Александровну Филипенко в ателье женской одежды «Силуэт» № 78 для исследования условий работы и улучшения. Просим руководство «Силуэта» обеспечить сотрудницу типовым рабочим местом и материалом.

Рабочий день сотрудницы не должен превышать трех часов. О всех затруднениях с ней просим звонить по телефону 42-29-86 научному руководителю пр. Баринову».

Маше очень хотелось показать эту бумагу родителям – папе и маме, но она не стала рисковать. Покажешь им бумагу, они спросят: «А как у тебя с отметками?» А потом будут

долго думать и вздыхать не хуже того вахтера из Института Улучшения.

И неизвестно, чем все это кончится. Потому что мама может сказать:

– Знаешь что, девочка, сначала ты свою успеваемость улучши, а потом чужой производительностью занимайся.

А папа добавит:

– Я скоро стану седым от горя. Я такого количества троек за всю жизнь не встречал. Их тут тысяча или две?

На следующий день Маша отправилась улучшать. В ателье № 78 «Силуэт» было очень интересно. Горели длинные лампы дневного света. Стояли швейные машинки и манекены. Приемник в углу светился зеленым светом и рассказывал про новые домны.

Все работники сбежались смотреть на Машу. Толстая пуговичница Лизавета Чуркина сказала:

– Ой, прислали сиротку! С такими только план выполнять!

А мужская брючница Четверикова добавила:

– Тоже мне улучшательница! Ее саму улучшать и улучшать, вон она какая дохленькая!

Директриса товарищ Сабинова строго спросила:

– Девочка, ты когда-нибудь работала на швейной машинке?

– Я папе джинсы подшивала.

– И что, получилось? Подшились джинсы?

– Не совсем. Машинку заклинило. Папа до сих пор не может ее стронуть с места. Он говорит, что то и другое спасти не удастся. Придется или машинку выбрасывать, или джинсы. Надо только узнать, что дороже стоит. Кажется, джинсы дешевле.

– Джинсы шьют из парусины, – сказала Сабинова. – Это очень плотный материал. Мы тебе для начала мешковину дадим. А пока иди садись к машинке и крути ее, как мясорубку. Привыкай к вращательным движениям. Другой рукой можешь книжку читать. Будем автоматизм вырабатывать.

Маша так и сделала. Села и стала одной рукой машинку крутить, а другой стала журналы переворачивать.

Пуговичница Лизавета Чуркина, такая маленькая и кудрявая, спрашивает:

– Скажи, девочка, почему у тебя волосы так красиво блестят и так хорошо уложены?

Маша возьми да и ответь:

– А я их молоком перед сном промываю. Слабым раствором. Уже целый год.

Лизавета Чуркина все это запомнила и мужской брючнице Четвериковой секрет открыла. И обе они глубоко задумались.

Закройщик Лопухин, такой высокий и воспитанный, говорит:

– Девочка, а вот те джинсы недорогие, которые ты папе испортила, где покупали?

– Как, вы не знаете? – отвечала Маша. – На станции Клязьма новый магазин открыли, «Дом джинсов» называется. Там на первом этаже польские брюки продают, на втором – чешские, а наверху – из итальянской народной капиталистической республики. Там этих джинсов завались, даже бархатные есть.

Закройщик Лопухин все это тоже запомнил и даже в книжечку записал.

Для чего все это Маша наговорила, она и сама не знала. Может быть, потому, что профессор Баринов просил ателье взбудоражить, чтобы они не закисали.

На другой день было воскресенье – самый рабочий день для ателье. Маше в школу идти не надо было. Она с утра в ателье направилась – улучшать.

Маша шла по улице вся важная и занятая. И все хотела, чтобы попался кто-либо из одноклассников и спросил бы:

– Куда это ты, Филипенко, направилась?

А она бы ответила:

– Это тебе делать нечего, ты весь извертелся. А я на работу иду.

Но, как назло, никто не попадался. В это прохладное мохнатое утро все еще, наверное, спали после тяжелых школьных битв.

Товарищ Сабинова, строгая, как сабля, стояла у входа с тетрадкой и отмечала, кто опоздал. Только отмечать было некого. Никто не приходил.

Товарищ Сабинова дала Маше большой кусок подкладочной мешковины и стала звонить, куда все делись:

– Алло. Позовите к телефону Чуркину Елизавету Аркадьевну.

Ей там говорят:

– Лизавета Аркадьевна подойти не может. Она к подушке приклеилась.

– Что это за шутки? – вскричала товарищ Сабинова. – Скажите ей, чтобы немедленно шла на работу.

А там отвечают:

– Не можем сказать. Подушка мешает. Не слышит она ничего. Потому что она пуховая.

Товарищ Сабинова совсем рассердилась:

– Вот я сейчас сама приеду с ней поговорю. Она у меня все сразу поймет и услышит все. Она у меня станет шелковая.

– И у вас она ничего не поймет. Она в ванной сидит. Отмокает, чтобы отклеиться.

Товарищ Сабинова мужской брючнице Четвериковой позвонила:

– Почему это вас нет? Немедленно явитесь на работу!

А Четверикова в ответ говорит:

– Да как же я явлюсь? У меня подушка к затылку прилипла. Я в ней – как Наполеон в треуголке.

– Так и приезжайте, как Наполеон в треуголке. Я здесь ножницы возьму и буду вас отстригать.

Следующим делом товарищ Сабинова закройщику Лопу-

хину позвонила. У Лопухина к телефону подошла бабушка:

– А Володенька заболел. Он за джинсами поехал на станцию Клязьма.

– Все ясно! – сказала директор Сабинова. – Кто-то хочет нас погубить. Кто-то на наше ателье порчу наслал. Это, наверное, все та же Митрохина из главка. Не любит она нас. И материалов хороших не дает. И глаз у нее дурной – черный.

Товарищ Сабинова так разволновалась, что побежала в аптеку успокаивающее покупать. А Маше велела клиентов развлекать и задерживать.

И сразу клиентка пришла. Такая высокая, с большими глазами и грустная. Маша стала ее развлекать.

– Хотите, я вам анекдот расскажу?

– Хочу, – говорит клиентка, но как-то не очень уверенно.

– Он вам понравится, – говорит Маша. – Про тараканов.

У одного человека были тараканы. Он не мог их вывести. Он на работу пришел и горюет. А ему один сотрудник говорит: «Ты не горюй. Ты дырку в стене прокрути и в двенадцать часов ночи скажешь: «Все тараканы, из моей квартиры шагом марш!» Они и уйдут, только при этом смеяться не надо ни за что». Этот человек с тараканами так и сделал. Пришел домой, дырку прокрутил и скажешь: «Все тараканы, из моей квартиры шагом марш бегом!» Тараканы из всех щелей вылезли, построились и в дыру зашагали. Человек увидел и засмеялся от радости. Вдруг вылез большой рыжий таракан на костылях и как закричит: «Ребята, он пошутил! Возвращайтесь!»

щайтесь!» И все тараканы обратно вернулись. Интересно?!

– Интересно, – вежливо ответила красивая клиентка. – Только мне тараканы не нравятся.

– А кому они нравятся, – сказала Маша. – А дальше еще интереснее будет. Этот человек на работу пришел и снова горюет, даже плачет весь. Ему сотрудник снова говорит: «Ты не рыдай. Ты ночью проснись в двенадцать часов и закричи: «Тараканы, на нас враги напали! В атаку на врагов!» Они в атаку уйдут, а ты дырку закрой. Только не спи ни за что». Человек так и сделал. Ночью как закричит: «В атаку на врагов шагом марш!» Тараканы отовсюду выскочили впопыхах, схватили иголки, гвозди всякие и в дырку побежали. А наш человек заснул. Просыпается, кругом полон дом тараканов. Все полы заняты, все табуретки. Рыжий таракан его за ногу дергает: «Просыпайся, хозяин. Мы войну выиграли, пленных привели!»

Тут Маша остановилась и клиентку спрашивает:

– Интересно я вам про тараканов рассказываю?

– А много еще? – с надеждой спросила женщина.

– Нет, совсем немного осталось. Этот человек плачет, а сотрудник ему говорит: «Два раза ты меня не слушал. Больше я тебе ничего не скажу. Только ты рыжего таракана не убивай». Человек, который с тараканами, домой ушел. На завтра приходит на работу весь-превесь в слезах. Его все спрашивают: «Что случилось?» – «А вот что. Я домой пришел, там одни тараканы. И этот рыжий, на костылях, спра-

шивает: «Ну как дела, хозяин?» Я как закричу: «Какой я тебе хозяин?» – и как тресну его столовой ложкой по лбу, он и сдох». – «Ну и что?» – спрашивают на работе. «Ничего, – говорит человек. – Со всего города тараканы на похороны собрались. У меня теперь тараканов в сто раз больше стало». Все, конец.

Красивая клиентка была поражена. Она внимательно все прослушала про тараканов и говорит:

– Я к вам в ателье столько раз прихожу, и никогда у вас материалов хороших нет. Ничего интересного и особо модного.

Маша даже обиделась за родное ателье:

– Как ничего особо модного? А вот мешковина из Италии.

– Интересно, – говорит клиентка, – как может быть мешковина из Италии? У них там даже картошки нет. У них там одни апельсины. А апельсины в ящиках бывают, а не в мешках.

– Мешков у них нет, – согласилась Маша, – а мешковины завались. Потому что это самый модный материал в этом осенне-летнем сезоне. Сейчас все о мешковине просто мечтают.

– Почему? – удивилась клиентка. – Почему никогда о ней не мечтали, а в этом осенне-летнем сезоне начали?

– Потому что этот осенне-летний сезон будет особенно жарким. Такая жара раз в сто лет бывает. Наша Земля будет очень близко от Марса пролетать.

Вежливая клиентка совсем запуталась:

– При чем тут Марс? Тепло-то от Солнца бывает.

– Правильно, от Солнца. Но когда мы к Марсу подлетим, он всю атмосферу на себя оттянет. И с нашей стороны атмосферы будет мало. Поэтому Солнце без задержки всех нагревать начнет. Понятно?

Маша на себя поражалась – как это все из нее сыплется? Она за всю жизнь не наговорила столько ерунды, сколько за эти два дня.

– Понятно, – сказала женщина. – А при чем тут мешковина?

– Мешковина с дырочками. Через нее и ветер проходит, и загорать можно. Давайте я сошью вам вечернее платье из мешковины, с вышивкой.

– Это не очень дорого? – спросила клиентка.

– Нет, совсем не дорого. Ведь я ученица.

Клиентка согласилась, и они стали размеры снимать. Измерили клиентку с головы до ног.

Маша тут же за ножницы схватилась. Стала мешковину резать.

– Что-то вы не так делаете, – сказала женщина. – Надо сначала выкройку из бумаги сделать.

– Передовые методы! – объяснила Маша. – Новая культура производства! Сейчас мы прямо на вас приметаем и сразу же шить начнем. Вы сегодня в платье и уйдете.

– Ой, как хорошо! – сказала женщина.

Маша стала приметывать и увидела, что размахалась. Что ни в каком вечернем платье из мешковины клиентка сегодня не уйдет. В лучшем случае, в летнем облегченном, с коротким рукавом. Тогда она клиентку спросила:

– Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

– Ирина Вениаминовна.

– Я забыла вам сказать, Ирина Вениаминовна, что еще в моде короткие спортивные платья сарафанного типа. Сейчас ими вся Италия охвачена и юг Франции.

Ирина Вениаминовна сказала, что она ничего об этом не знает.

– Наверное, это очень красивая мода, если ею охвачена вся Италия.

Но она не выразила немедленного желания перейти на спортивное платье сарафанного типа. Видно, идея недорогого вечернего платья из мешковины с вышивкой была для нее более привлекательна по возрасту.

Маша решила шить дальше что получится и уже потом, когда выйдет удача, уговорить Ирину Вениаминовну это носить.

Она внесла кое-какие поправки, сделала выкройки из газеты, но, когда она стала собирать все в одно целое, она поняла, что и сарафанное южнофранцузское платье куда-то исчезло. И если клиентка прямо сегодня в чем-то уйдет, то это будет максимум безрукавка бальная плюс юбка конноспортивная... южнопляжный вариант.

Слава богу, явилась мужская брючница Четверикова в подушке, надетой треуголкой. Следом за ней прошла товарищ Сабинова, щелкая ножницами. Они немного отвлекли клиентку. Но после того как они прошли, Ирина Вениаминовна насторожилась и у нее стал такой вид, словно она хотела спросить: «А что это с этой женщиной? Почему она в подушке ходит?» И если она ничего не спросила, то только из-за своей повышенной интеллигентности. А Маша сказала:

– Вы знаете, сегодня какой-то день невезучий. Как вы смотрите на вечерние шорты из мешковины?

– Которыми охвачены вся Англия и Южная Скандинавия? – ехидно спросила Ирина Вениаминовна. – Это все, что осталось от вечернего длинного платья?

– Еще четыре носовых платка.

– Из мешковины?! Нет уж, не надо.

«Эх, – подумала Маша. – Не понимает. Это же так удобно – носовой платок с дырочками. Сморкаешься – и все пролетает. В руках чистый платок остается. И стирать не надо, только гладить».

Пришел высокий закройщик Лопухин, потом кудрявая пуговичница Чуркина. И спрос на Машу резко повысился.

– Простите, Маша, я бы хотел с вами поговорить, – сказал Лопухин.

– И я бы хотела, – сказала мокроголовая Чуркина.

– И я бы! – закричала товарищ Сабинова. – Ученица Филипенко, срочно зайдите ко мне.

Вместе с этими словами из ее двери вылетело много-премного пуха.

– Сейчас! – ответила Маша. – Я только Ирину Вениаминовну провожу, клиентку постоянную.

Они вышли на улицу. Маша не отходила от Ирины Вениаминовны ни на шаг. И провожала ее все дальше. Она говорила:

– Вы не удивляйтесь, что я вас провожаю. У нас теперь в ателье только так. Передовые методы, новая культура обслуживания. Провожаем клиентов до всех видов транспорта.

– Я вам очень благодарна, – отвечала Ирина Вениаминовна. – Если вы уж так любезны, позвоните мне, когда у вас будут новые ткани. А то у вас уже два года шаром покати. Вот вам мой телефон.

Она дала Маше визитную карточку:

Ирина Вениаминовна Архангельская
Заведующая литературной частью
Детского театра марионеток
Адрес: Москва. Телефон: 217–740.

У метро они расстались. Маша тоже захотела себе такую карточку. «Маша Филипенко. Сотрудница ателье «Силуэт» № 78». Но она поняла, что, наверное, она уже не сотрудница. И направилась не в ателье, а прямо в Институт Улучшения.

Мимо вахтера она прошла по-деловому, как своя, и поднялась к научному руководителю.

– Здравствуйте! – закричала она. – Здравствуйте... – Она

забыла, как профессора зовут, высунулась из кабинета, посмотрела табличку на двери – «Профессор Баринов Д. Д.» – и снова засунулась: – Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич. Я все поняла про ателье номер семьдесят восемь.

– Я вовсе не Дмитрий Дмитриевич, – сказал профессор, – а Дементий Дементьевич. И что же вы поняли?

– Почему у них ничего не повышается. Я уже два дня там проработала.

– Два дня – это мало. Но если вы поняли, напишите докладную записку и передайте мне. Вот вам стол, садитесь и пишите.

Маша села и написала:

Докладная записка.

Докладываю: ателье № 78 плохо работает потому, что кто-то наслал на него порчу. Наверное это Митрохина из главка. Не любит она ателье № 78 и второй год не дает хороших материалов. Вот клиенты уходят, и плана нет. Клиентам надо послать открытки.

– Написали? – спросил Баринов.

– Да.

– Хорошо, оставьте, будем рассматривать. Если все окажется правильным, примем меры. А вам найдем новую работу. Ждите от нас открыток.

Маша грустная пошла домой и стала ждать открытки, как

люди зимой ждут лета, а летом отпуска.

Глава 2

Вторая профессия Маши Филипенко

Один в поле не воин

Маша ждала от них известий, а известий не было.

«Какие противные! – думала Маша. – Хотят извещают, хотят – нет. Когда я буду взрослая, я буду не такая. Я всех буду извещать».

В классе жизнь шла своим чередом. Екатерина Ричардовна даже не заметила, что Маша стала улучшательницей и по-прежнему ставила ей то двойку ближе к тройке, то тройку ближе к двойке.

Сегодня на уроке она сказала:

– Ребята, называйте мне домашних животных.

Ребята стали кричать:

– Собака! Лошадь!

– Овца!

– Бык!

– Курица!

– А еще? – сказала Екатерина Ричардовна.

– Все, – ответили ребята. – Больше нет.

– Кончились животные.

– Эх вы! А самого домашнего зверя забыли. Давай, Маша, называй.

А Маша и не слышала ничего. Она о мешковине думала и о вечерних валенках на высоком каблуке. Она молчит.

Екатерина Ричардовна ей подсказывает:

– Что ж ты, Маша. Вот у бабушки живет. Ласковый такой, с усами. Кто это?

Маша как ляпнет:

– Дедушка!

Валера Готовкин в жизни так не смеялся. У него от смеха мыльные пузыри изо рта пошли. Екатерина Ричардовна сказала:

– Ой, не могу! Беру тайм-аут на две минуты. Смейтесь, кто сколько хочет. – И даже ругать Машу не стала.

А вечером открытка пришла.

«Уважаемая Маша!

Институт Улучшения Производства сообщает тебе, что твоя докладная об улучшении работы ателье № 78 оказалась правильной.

В ателье завезены новые материалы, и уже сделано много хороших заказов. Тебя там еще помнят.

Приглашаем тебя для следующего улучшения.

Научный руководитель профессор Баринов».

Маша сразу нарядилась и в Институт пошла. На ней была длинная юбка до пола и белая кофточка. Профессор Баринов был потрясен и сказал ей в своем кабинете:

– Есть две заявки на улучшение. Первая – сельскохозяйственная, с отрывом от обучения. Вторая – торговая, без отрыва от школы.

Маша сказала:

– Я хочу с отрывом. – Уж больно ее тройки измучили.

– Тогда придется пригласить родителей.

– А можно пригласить Екатерину Ричардовну? Это наша учительница. Она добрая, она поможет.

– Можно пригласить Екатерину Ричардовну. Можно и директора школы. Можно и из Министерства просвещения кого-нибудь. Но главное, чтобы были папа и мама.

Маша пошла домой. Уговорить родителей на отрыв – эта операция будет посложней, чем работа в ателье № 78.

Теперь пришла пора поговорить про Машиных родителей. И надо о них узнать всего побольше, чтобы они неожиданно чего-нибудь не выкинули.

Как вы знаете, родителей себе не выбирают. Берут, какие достаются. Но достаются почему-то самые лучшие.

Я сколько хочешь знаю людей, которые недовольны своими учителями, соседями по парте, своей работой. Даже руководителями Центрального телевидения: мол, что это за ерунду у нас показывают! Но я не знаю людей, которые недовольны своими родителями.

(Это все у нас. Может быть, у них, у капиталистов, наоборот. И какой-нибудь человек ужасно возмущается: «Ах, зачем мои родители миллионеры! Лучше бы они были из тру-

дового крестьянства и воспитали бы меня тружеником».)

А Маше Филипенко особенно повезло. Ей достались просто самые лучшие родители. Мама – технолог в троллейбусном парке. Папа – инженер с электрическим уклоном. Они были современные люди, любили музыку и конный спорт. Говорят, что папа в молодости был хиппи.

Маша прибежала домой и заявила:

– Папа и мама! Вас срочно вызывают!

Папа сразу сказал:

– Допрыгалась! – Но даже с места не сдвинулся. Как читал на диване фантастику, так и продолжал читать.

А мама спросила:

– Почему срочно?

– Потому что весь урожай может пропасть.

Мама отошла от телевизора, отложила в сторону жилетку, которую вязала, и спокойно произнесла:

– Не дави на психику и спокойно расскажи. Мы твои методы уже давно изучили.

У Маши действительно были методы. Она, например, прибегала в дом в слезах и говорила, что на свете есть злые и жестокие люди. И что ей, Маше, тяжело, потому что они котенка на помойку выбросили. И что все взрослые такие. Тогда папа говорил:

– Не все. Есть и хорошие. Не рыдай, тащи сюда своего котенка.

Маша сразу переставала плакать. Так она натаскала домой

много всякой полудохлой живности: галчонка Кралю, кудлатую собаку Астру, рыбок. Ухаживали за всем этим разнообразием, разумеется, родители – папа и особенно мама.

– Так зачем нас срочно вызывают?

– Понимаешь, мама, группу молодежи посылают за город, чтобы усилить сбор урожая. И меня тоже, как сотрудника Института Улучшения Производства.

Папа и мама совсем отложили свои дела и решили все выслушать от начала до конца. Пришлось Маше рассказывать про то, как в школе писали сочинения, про то, как она попала в незамутненные, про то, как она уже работала в ателье.

Папа посмотрел на маму, улыбнулся и сказал:

– Ладно. Будь по-твоему. Поехали к профессору Баринову.

Папа с мамой нарядились. Папа даже галстук надел. И они приехали.

Дементий Дементьевич принял их очень серьезно. Посадил в большие кресла в своем кабинете. Позвонил в кнопку и сказал секретарю:

– Ко мне, пожалуйста, никого не пускайте. У меня важные посетители.

Он рассказал папе и маме, что Институт Улучшения приносит много пользы. Что ребята по-новому подходят к взрослым работам и дают полезные рекомендации. Они решают всякие загадочные проблемы.

Папа на это сказал, что у них на заводе есть одна загадоч-

ная проблема:

– Мы выделяем детали на пятьсот пять телевизоров. А на склад поступает только пятьсот. Пять телевизоров куда-то деваются.

– Вы напишите нам заявку об этом. Мы направим к вам улучшателя, – сказал Баринов. – И проблема будет решена.

– Не знаю, не знаю! – сказал папа. – Лучшие умы нашего завода, все контролеры в тупике, а вы возьмете и решите?

– А мы возьмем и решим! Потому что у нас работают незаштампованные мозги. И мы просим родителей оказывать содействие.

– А как же ее отметки? – спросила мама.

– Это мы берем на себя. Опыт показывает, что работа улучшателем улучшает успеваемость. Даже читаемость книг у ребят повышается.

– Ладно! – сказал папа. – Тогда по рукам.

Дома он сказал маме, что профессор Баринов ему очень понравился.

Под конец разговора они обговорили, сколько одежды давать Маше в сельскую местность и что объяснить в школе Екатерине Ричардовне.

Через день мама провожала Машу за город. Она несла рюкзак по платформе и говорила:

– Пятая по счету остановка будет называться Опалиха. Прямо напротив станции правление. Там тебя встретит бригадир Шкатулкин. В правлении есть телефон. Позвонишь и

скажешь, все ли у тебя в порядке.

– Хорошо, мама.

– Желаю успеха в повышении урожайности!

Маша вошла в вагон и сразу же высунулась из окошка.

Электричка поехала.

– Мама, ты не беспокойся. Я буду учить математику. Я вернусь, ты меня не узнаешь!

Цифры и документы

1. «Приказ от 21.09 о зачислении ученицы Филипенко М.А. на должность бригадира полеводческой бригады с заданием собирать кабачки сорта им. Мичурина.

Приказываю зачислить с окладом 90 руб.

Директор совхоза Демидов».

2. «Приказ от 29.09 об объявлении строгого выговора бригадиру полеводческой бригады Филипенко М. А. за просыпание на работу и за неявку всей бригады.

Приказываю объявить.

Директор совхоза Демидов».

3. «Служебная записка старшему бригадиру тов. Шкатулкину.

Безобразие! Во время рабочего времени бригада Филипенко разучивает песни. Почему? Как у тебя с планом по сбору?

Директор совхоза Демидов».

4. «Служебная записка директору совхоза тов. Демидову. План у них выполнен на 30 процентов. У меня потребовали баян и баяниста. Я принесу брендспойт и смою их с поля... вместе с этой Филипенко М. А.

Старший бригадир Шкатулкин».

5. «Служебная записка старшему бригадиру тов. Шкатулкину.

Отставить брендспойт. По условиям договора с Институтом в работу улучшателей вмешиваться нельзя. Что они делают сегодня? Как у них с планом на второй день работы?

Директор совхоза Демидов».

6. «Служебная записка директору!

Поют. Баяниста посадили на ящик, заставляют играть. Имею вопрос: у нас совхоз или праздник песни? И репертуар какой-то сомнительный, не сельский – «Чунгу-чугунгу» разучивают. Сил моих больше нет. План у них выполнен на 50 процентов.

Старший бригадир Шкатулкин».

7. «Черновик письма в Институт Улучшения руководителю, профессору Баринову.

Товарищ Баринов, заберите, пожалуйста, ваш хор имени Пятницкого. Горим с планом! Пришлите лучше обычных студентов для сбора кабачков им. Мичурина. Да побольше!

Директор Демидов».

Не отправлено.

8. «Служебная записка директору Демидову.

Тов. директор! Какая-то чертовщина. Весь день плясали, а план выполнили на 60 процентов. Это похуже, чем наши деревенские, но получше, чем студенты. С чунга-чанговским приветом. Все-таки я бы очень хотел, чтобы весь этот ансамбль песни и пляски заменили на обычных студентов. От них хоть знаешь, что ждать.

Старший бригадир Шкатулкин».

В поле была осень, желтая и теплая. Какая-то вся праздничная, родная. Хотелось взять книгу предложений и написать:

«Дорогая природа! Спасибо за хорошую погоду и за солнце. Просим наградить всех работников чем-нибудь».

Машина бригада сидела в перерыв в поле на ящиках для кабачков, и Маша с ней беседовала. Все женщины с полеводческой бригады внимательно Машу слушали.

– Мы почему отстаем? – говорила Маша. – Потому что у нас коллектива нет. Каждый для себя работает и себе зарабатывает. Мы будем коллектив создавать. Согласны?

Женщины не спорили особенно, но и не соглашались.

– Лучше всего коллектив создавать в игре. Мы будем завтра в ручной мяч играть. Вы, Евдокия Павловна, будете стоять на воротах. Хорошо? – предложила она самой старшей работнице. – А вы, Антонина Семеновна, будете играть в нападении.

Старшая, Евдокия Частова, робкая такая женщина в плат-

ке, отрезала:

– Не могу я стоять на воротах, когда у меня корова не доена. Да и стара я на воротах стоять. Я с них упаду. Я лучше дочку свою пришлю, Галку. Пусть мать на трудной работе заменит.

Антонина Семеновна Павловская, крупная такая работница, ее поддержала:

– Я в телогрейке и сапогах в нападении играть не могу. Тяжело это. Я лучше Ваську, сына своего, командирую. Он и играть мячом любит, и в поле давно не работал. Завтра воскресенье, в школу ему идти не надо.

Старший бригадир Шкатулкин радостно вспомнил:

– У меня тоже сын есть, Шуряйка. Он на баяне играть может не хуже баяниста нашего, в пионерском лагере выучился. Он вам эту «Чунгу»! А мы с баянистом сходим пива попьем на станции. Мы три года в отпуске не были.

Потом он добавил:

– Только одно плохо. Мой Шуряйка на месте сидеть не умеет. Все время бегаёт. Хоть к табуретке его приколачивай.

– Вот и хорошо, – сказала Маша. – Пусть табуретку с собой принесет, молоток и гвозди.

И все остальные работницы из бригады просили себя детьми заменить. То есть к утру весь состав бригады у Маши обновился.

Пришли аккуратные девочки Галя Частова и Лида Расторгуева – дочери участниц бригады. А старушка Татьяна Семе-

новна ни дочек, ни внучек не имела. Она прислала соседку – тимуровку Туманову Свету.

Шкатулкин Шуряйка в самом деле принес табурет, молоток и гвозди – все, как было велено городским начальством. Видно, авторитет Маши, как руководительницы производства, все еще был достаточно высок.

Маша не стала с ними играть в веселые игры, как со взрослыми. Каждому отвела грядку и сказала:

– Работайте, товарищи ребята! Собирайте мичуринки. А ты, Шуряйка, садись на табурет и играй «Чунга-чангу».

– Он хромает, – показал Шуряйка на табурет. Видно, дома ему выделили не самую лучшую мебель. – Можно, я в клуб слетаю, стул принесу?

– Не надо летать, – строгим бригадирским басом сказала Маша. – Вон ящик стоит для кабачков. Садись и играй.

Шуряйка сел и заиграл. Тут его укусил слепень. Шуряйка схватил доску от ящика и помчался за слепнем.

Маша догнала его и усадила. Все стали работать. Укладывать кабачки в ящики. Так они и ползали вдоль грядок каждый со своим ящиком. А Светка Туманова, как самая маленькая, тащила с ведром.

– Мне мама говорила, что здесь мяч гоняют! – ворчала Галка Частова.

– Лучше бы я осталась дома дрова пилить! – горестно говорила Лида Расторгуева.

А Светка Туманова вздыхала, как пароход на мели.

– Эх вы! – стыдила их Маша. – А еще сельская местность! Я этот спорт для взрослых заводила. Они у вас какие-то дохлые. А мы можем и без игр работать. Мы – молодежь!

Тут бригадиров Шурайка бросил баян и куда-то помчался.

– Ты куда?

Шурайка замер:

– Эвон Павловский телок действует.

– Как он действует?

– Объявление ест около клуба.

– Ну и что?

– Его пора проучить. Ишь моду взял!

– Без тебя проучат. Садись и играй.

Шурайка сел и зачунгачангил. Но как-то так уныло. Будто эта самая Чунга тяжело заболела. И бригада стала вся какая-то квелая, никудышная. Хуже, чем вчерашняя, родительская.

Каждый нехотя накладывал кабачки в свой ящик. Тащил ящик через все поле к дороге. Брал новый ящик, пустой, и снова возвращался к бригаде.

– Нет, мы так много не насобираем! – сказала Маша. – Слушайте, я буду рассказывать одну историю про любовь.

Девочки так и потянулись к Маше и стали даже свои кабачки к ней в ящик укладывать.

– У нас в школе одна девочка влюбилась в одного мальчика. Он был из другой школы, для трудных ребят. Там те

учатся, которые воришки, скандалисты, которые курят.

Маша не успела и начала истории рассказать, как ее ящик стоял уже полон. Никто его не понес на край поля, чтобы не расставаться, а так на грядке его и оставили.

Маша дальше рассказ продолжила:

– Учителя девочке объясняют, что влюбляться в школе нельзя. Уж, в крайнем случае, в отличников и достойных пионеров. А девочка не согласна. Она этому мальчику письма пишет и встречается с ним в парке. Там, где значки меняют.

И все они вместе ящик Светки Тумановой заполнили. Что делать? Послали Шуряйку за пустым ящиком:

– Ты, Шуряйка, положи баян и за ящиком сбегай. Ты у нас бегать мастак. Пусть твоя беготня со смыслом будет.

Шуряйка помчался за ящиком. Пока ящика не было, все стояли с кабачками в руках.

– Бросайте мне кабачки! – сказала Маша. – Как в шта́ндар!

Все стали в нее кабачками бросаться. Она их ловила и к ногам складывала. Как только Шуряйка с ящиком примчался, кабачки в ящик быстренько запихнули. И Шуряйка снова за ящиком полетел.

– Встречались они в парке. Там этот мальчик значки менял у коллекционеров. Потом гуляли везде, на каруселях катались. Уроки учили на лавочке. Наша девочка очень способная была. А ее родители сердились: «Где это ты гуляешь? Откуда у тебя столько значков? Прекрати немедленно!»

Тем временем под рассказ прошли поле до конца в одну сторону – от реки к дороге. Не успели оглянуться, как пять больших ящиков наполнили.

Цифры и документы

9. «Письмо в Институт Улучшения.

Уважаемые товарищи!

Когда мы узнали про вас, мы обратились к вам за помощью. Мы думали, что вы улучшаете производство, как все нормальные институты, путем присылания студентов. А вы прислали эту Филипенко с небывалыми полномочиями. И говорите, что она все улучшит.

Пока у нас тетки в телогрейках играют в мяч. Баянисты играют «Чунгу-чангу», а сама ваша Маша в первый день проспала на работу.

Давайте договоримся так. Я никому ничего не скажу. А вы заберете эту организационную Машу и пришлете обычных студентов 10 человек.

Если не верите, приезжайте и проверите.

Директор совхоза Демидов».

– И друзья девочке не помогали. Они говорили ей: «Эх ты, влюбилась, и металлолом мы без тебя собирали». Тогда девочка стала сердиться и на родителей, и на учителей, и на товарищей. А от сердитости хуже учиться стала, стала нервная и скандалистка.

Тем временем ребята решили без ящичков обходиться. Они расходились в стороны от Маши и кидали ей кабачки. Она их в кучу складывала. Когда куча большая вырастала, ребята на другое место переходили ближе к дороге. Скоро десять больших куч цепочкой стояли от реки до дороги. Огромные кучищи.

Маша говорит:

– Ребята, вон нас сколько. Я одна не успеваю все кабачки ловить. Давайте мы на две бригады разобьемся. Шуряйка у нас готовый ловильщик кабачков. И так будем рядом идти от речки к дороге.

Теперь две бригады медленно двигались по полю. А кабачки летали над ними, как стая чаек над рыбацкой лодкой.

Появился бригадир Шкатулкин и ахнул! Батюшки, да они треть поля собрали! Надо бы председателю доложить. Но он не пошел, потому что от него пивом пахло.

По дороге с поля Маша историю закончила:

– Потом девочка совсем испортилась. Непослушная стала, капризная. В родителей стала книжками кидаться. Ее отдали в школу для трудных детей. В ту самую, где мальчик со значками учился. Там она опять сделалась отличницей. Потому что она не трудная была, а нормальная. Неудобная просто.

Ребятам так Маша понравилась, что они решили и на следующий день прийти в поле работать. Правда, не целый день, а после школы.

...Как только ребята пришли, они на две бригады разби-

лись и снова работать начали. Работали, работали, а через час все поле было покрыто кабачковыми кучами.

Шуряйка говорит:

– Давайте мы будем кабачки хватать и к дороге наперегонки бегать.

– Нет, – возражает Маша, – кабачков много. Так мы будем до конца четверти бегать. Мы по-другому сделаем.

Маша выстроила всех ребят цепочкой вдоль грядок, и они стали кабачки из рук в руки через все поле перебрасывать. А на краю поля их уже в ящики укладывали.

Тут подъезжает черная «Волга», и из нее выходит начальство разное: директор совхоза Демидов, старший бригадир Шкатулкин, профессор Баринов и другие лица. (Вернее, одно другое лицо. Это был сотрудник по математике – Игорь Игоревич. Мы потом с ним еще ближе познакомимся.)

Директор Демидов на поле посмотрел и глазам своим не поверил:

– Не может быть! Эти кабачки кто-нибудь ночью собрал.

– Наверное, на это поле ночью кабачковый десант выбросили, – согласился профессор Баринов. – Они кабачки собрали и в леса ушли.

Он к себе Машу позвал и спросил:

– Как дела, товарищ Маша, есть трудности?

– Есть, – говорит Маша. – Шуряйка у нас на шаг перешел.

Из него вся шустрость вылетела. И ящики уже кончаются.

– Как кончаются? Как кончаются? – заволновался Шка-

тулкин. – Я за ними сейчас грузовик пошлю. И у Шуряйки шустрость опять появится. Я ему только ремень покажу от брюк.

– Расскажите, как вы работаете, – попросил профессор Баринов.

– Мы все поле на клетки разбили. В середине вратарь стоит, и все ему кабачки кидают. Он их ловит и складывает. Потом бригада на новую клетку переходит. А потом все бригады объединяются и кабачки на край поля по цепочке передают.

– Это же бригадный метод! – ахнул Демидов.

– У нас такого никогда не было! – сказал Шкатулкин. – У нас каждый за себя собирал. Поэтому скорость была низкая. Да и ящики эти тяжелые, как танки, не натаскаешься. А теперь мы по-другому заживем. Теперь мы все сами будем быстро собирать. Теперь нам никаких студентов не надо будет.

Они стали втроем обсуждать бригадный метод. А сотрудник по математике отвел Машу в сторону, усадил на ящик и стал знания проверять.

Он нашел, что знания у Маши есть. Но их не много, и все они неправильные. И что надо срочно ее в Москву забирать и учить там математике.

С этой «Волгой» Маша в Москву уехала. А вся бригада за ней бежала и махала вслед. Потом стала отставать. Дальше всех Шуряйка бежал. К нему опять шустрость вернулась. То

ли ему ремень от брюк показали, то ли он Машу больше всех любил.

Маша кричала из окна:

– Не грустите. Мы еще встретимся!

Цифры и документы

10. «Телеграмма в Институт Улучшения.

План по сбору кабачков и тыкв выполнили. Приезжайте пробовать. Метод бригадной работы внедряем везде.

Директор Демидов.

Заместитель директора Шкатулкин».

Значит, Шкатулкина повысили.

Глава 3

Третья профессия Маши Филипенко Тайна овощной палатки

Третью профессию Маше долго не давали: сотрудник по математике Игорь Игоревич запрещал. Он все время с ней занимался, подтягивал ее. Задачки ей давал.

«Из пункта А в пункт Б ехали велосипедисты. Половина велосипедистов остановилась около бочки с квасом. Из оставшейся половины половина вырвалась вперед. Когда половина из них приехала в пункт Б, оказалось, что их семь человек. Сколько всего велосипедистов выехало из пункта А?»

Маша решала:

– Сначала вперед уехало несколько велосипедистов. Потом еще половина несколько. Получается полтора несколько. Потом еще половина половины несколько. Всего стало одна несколько и три четвертых. Значит, велосипедистов приехало больше, чем выехало. Совсем вы меня запутали, Игорь Игоревич!

– Это ты меня запутала, – отвечал он. – Нет такого понятия «несколько». Есть понятие – одно целое и его части. Целое можно обозначить буквой X .

Маша обозначала целое буквой X , и у нее еще хуже получалось.

– Сначала у нас было X велосипедистов. Потом половина X пошла за квасом, а половина отстала. Значит, весь X растерялся по дороге и никто в пункт Б не приехал.

Игорь Игоревич аж зеленел. Он говорил:

– Есть учащиеся, которые не могут освоить понятие «неопределенное количество», им всегда нужно точные цифры называть. И еще они не понимают, что такое пункт А, пункт Б и почему в бассейн в одну трубу вода вливается, а из другой выливается. Да еще с разной скоростью. Они только глаза таращат и задыхаются, как рыба без воды.

– Совсем как я, – сказала Маша.

– Таким учащимся нельзя говорить: «Из пункта А в пункт Б шел пешеход». Им надо говорить: «Из пункта Аптека в пункт Библиотека шел пешеход профессор Баринов». У них тогда все проясняется.

– Ой, – сказала Маша. – У меня все прояснилось. Давайте про профессора Баринова решать.

– Этот метод, – сказал Игорь Игоревич, – называется методом конкретных действий. – Но решать задачу про своего научного руководителя отказался. – Мы возьмем пример из художественной литературы, – сказал он. – Записывай условие задачи: «Как ныне собирается вещей Олег из пункта А в пункт Б, отмстить неразумным хазарам. Их села и нивы, расстояние до которых двести километров, за буйный набег обрек он мечам и пожарам. Из темного леса навстречу ему, из пункта Б в пункт А, идет вдохновенный кудесник со ско-

ростью пять километров в час. Требуется узнать, где встретятся эти пешеходы, если первый смиренно стоит под стрелами врагов, а второй мчится по бранному полю». Автор задачи Пушкин.

В это время профессор Баринов вошел.

– Как дела у вас?

– Трудная учащаяся, никакой ответственности. Ее бы учетчицей в магазин послать, чтобы она за товар отвечала. Тогда она быстро и ящики, и килограммы, и литры, и мешки считать научится! – сказал Игорь Игоревич.

– У нас как раз есть заявка на улучшение работы одного овощного магазина. Население сердится, что там покупать нечего. А начальник торга говорит: «Мы эту палатку завалили продуктами. Даже бананы шлем». В общем, надо разобраться, в чем там дело.

Игорь Игоревич сказал:

– Отправляйте туда Машу немедленно. И меня к ней прикрепите. Я не думаю, что там порядок появится. Но считать она научится, это точно. И пятерку по математике получит.

Через два дня был издан очередной приказ в Институте Улучшения.

Приказ.

Сотрудницу Филипенко М. А. направить в овощной магазин-палатку по улице Гашека, 18, в качестве продавца-исследователя.

Срок работы в пределах месяца.

Без отрыва от производства, без материальной ответственности.

В качестве консультанта к Филипенко М. прикрепить сотрудника по математике И. И. Кулибина с половинной материальной ответственностью.

Директор института профессор Баринов.

...Папа Филипенко прочитал приказ и спросил:

– Что такое материальная ответственность?

– Ответственность за материалы, – ответила Маша.

– Какие материалы в овощном магазине?

– Мешки всякие, целлофан. А есть еще ящичная ответственность. Это за ящики. Или бочечная – за бочки. А у директора магазина, наверное, есть уже вагонная ответственность.

– Очень ответственная у вас работа, – сказал папа.

И вот после школы Маша отправилась на улицу Гашека. У нее было такое ощущение, что ей не очень обрадовались. Продавщица Зоя Абрикосова спросила:

– Ты что, умственно отсталая, раз тебя к нам прислали?

Почему ты в школе не учишься?

– Я умственно нормальная, – ответила Маша. – Я к вам зарабатывать пришла.

– Ой, – засмеялась продавщица Клава Абрикосова. – У нас тут заработаешь!

Зоя и Клава были сестры.

Работа у них была тяжелая и сложная. Может быть, поэтому от них и не веяло теплом к покупателю.

– Я научу тебя, как работать, – сказала младшая Зоя. – Главное, чтобы покупатель не капризничал. Его первым делом надо на место ставить.

Маша вопросительно посмотрела на старшую сестру Клаву. Та в ответ кивнула головой:

– Да, на место ставить и одергивать. При случае можно и припугнуть. Он спросит: «Дайте мне двести граммов капусты». А ты ему в ответ: «Двести граммов! Буду я возиться из-за каких-то двухсот граммов. Это капуста, а не шоколадные изделия! Я людям мешками вешаю!» Если другой покупатель придет и скажет: «Дайте мешок капусты!» – ты ему в ответ спокойно так и с достоинством заявляешь: «Ишь, распустились! Людям на суп двести граммов не хватает, а тут мешками берут! Это тебе капуста, а не железобетонные изделия!»

– Он тогда ручным становится! – подхватила Зоя. – Еще ему можно сказать: «Ишь шляпу надел!.. Вы бы тут у нас сами поработали!.. Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела!»

Маша все это с первого дня запомнила. И еще много чему у продавщиц научилась.

– Значит, главное – припугнуть и на место поставить?

– Припугнуть и на место поставить.

Маша стала готовиться к самостоятельной работе.

На складе она нашла старую тыкву и все внутренности из нее вынула.

Прорезала в тыкве глаза, нос, рот зубастый до ушей. Сверху к хвостику веревку привязала. И веревку за трубу у потолка забросила. Если за веревку потянуть, улыбающаяся тыква вверх выезжала.

К тыкве Маша привязала старый мешок, как платье, и хоккейную клюшку.

Получилась смерть с косой. Такая овощная смерть со спортивным уклоном.

Эту смерть Маша до поры до времени в углу держала в боевой готовности.

Как за веревочку потянешь, это улыбающееся изделие немедленно под потолок выкатывалось как солнышко.

Еще одну веревочку Маша к ручке двери на склад привязала. Дверь скрипела ужасно, будто асфальтовый каток по стеклу буксовал. Таким образом Маша звуковое сопровождение приготовила.

А чтобы довершить спектакль, наша ученица научилась крышку погреба ногой толкать. Погреб своей крышкой не хуже пушки грохал.

И стала Маша ждать, когда ей самостоятельную работу доверят.

Однажды продавщицам Зое и Клаве надо было на овощную базу ехать товар отбирать. Потому что туда репу завезли

из Турции. Зоя говорит Клаве:

– Давай мы магазин закроем. «Учет» повесим или «Ушла на базу».

Клава отвечает Зое:

– У нас и так каждый день «Учет» или «Ушла на базу».

Надо что-то другое придумать.

– Чего тут придумывать, – говорит Зоя. – У нас практикантка есть. Пусть поработает. Чего она без дела изюм грызет!

Маша тоже говорит:

– Дайте мне самостоятельную работу. Я у вас уже три дня сижу, все умею.

Старшая Клава посмотрела на нее и согласилась:

– Ладно. Будешь тот товар продавать, который не больше двадцати копеек за килограмм. Дороже чтоб ничего не продавать. А то ты нам наторгуешь!

Продавцовые сестры уехали. Маша осталась за главную. Тут покупатель пришел. Это был большой начальник из одного министерства.

Маша этого не знала. Она приготовилась покупателя на место ставить.

Он говорит:

– Дайте мне двести грамм изюма.

Она в ответ:

– Вот еще! Буду я из-за двухсот граммов возиться. Люди мешками берут.

Покупатель из министерства даже подпрыгнул от удивления:

– Мешками?!

– Ну да! – бодро отвечает Маша. – Ишь, а еще шляпу надел!

Покупатель говорит:

– Я шляпу не надел. Я, наоборот, снял шляпу. Потому что мне жарко стало.

А Маша дальше кричит:

– Вы бы у нас тут поработали! Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела!

Покупатель тихо так спрашивает:

– Какого такого?

Маша не знала, что сказать, поэтому закричала совсем басом:

– Такого такого! Ишь чего хотят! Это изюм, а не железно-капустные изделия!

Она так расстаралась, что у нее изо рта пена пошла. Покупатель стал ее успокаивать:

– Вы не волнуйтесь. Может, действительно, все мешками берут. Я тогда тоже мешком возьму. Только боюсь, у меня денег не хватит. Сколько стоит ваш изюм?

– Дороже двадцати копеек я не продам, – говорит Маша. – И не просите. А то я тут наторгую.

Покупатель совсем удивился:

– Пока я в своем министерстве сидел сельскохозяйствен-

ном, тут большие изменения произошли. Цены почти даровые сделались. А мне жена ничего не сообщала. Зарплату по-прежнему требовала.

Он на витрину внимательно посмотрел:

– А кедровые орехи у вас почему?

– По двадцать копеек.

– А грецкие?

– Дороже двадцати не продам.

Покупатель успокоился и говорит:

– Дайте мне полмешка того и полмешка сего.

Маша видит, он опять спокойный стал, неодернутый. Она решила в ход свое главное дисциплинирующее устройство пустить. За веревочку потянула. Тут овощная смерть со своей улыбочкой наверх полезла.

Клюшкой размахивает. Покупатель глаза выкатил, шепотом спрашивает:

– Это-о что-о?

– Ах, это? – небрежно говорит Маша. – Это смерть продуктовая. Каждый день ровно в обед приходит. Сейчас кричать начнет.

Сама за веревочку от двери на склад потянула. Дверь страшно скрипеть и визжать принялась на своих петлях. Маша ногой люк подняла – и грох!!!

Будто пушка из-под земли шарахнула.

Покупатель как закричит:

– Караул! На помощь! – И бежать.

Только он за углом скрылся, Зоя с Клавой пришли. Клава спрашивает:

– Как торгуется?

– Нормально, – отвечает Маша. – Один покупатель уже убежал.

– Почему убежал? – спросили сестры Абрикосовы.

– Я его на место поставила. Проучила чуть-чуть.

– А что, он платить не хотел?

– Почему не хотел? Хотел. Он хотел изюма целый мешок купить.

– Может, он какое недовольство проявлял? Жалобную книгу требовал?

– Ничего он не проявлял, – успокоила их Маша. – Он вообще хороший человек, из министерства.

– Так зачем же его на место ставить?

– Мне надо было средство проверить, – объяснила Маша. – С которым я дальше работать буду. С плохими покупателями. Это были испытания.

– Какие еще испытания? Какое еще средство? – спросила старшая Абрикосова.

– Вот это, – сказала Маша и потянула за веревочку.

Овощная смерть опять на каменный небосклон вылезла. А дверь страшно скрипеть начала. Сестры сразу побелели. Потом Зоя говорит:

– Вот что, пока не поздно, нужно эту командировочную из торгового помещения убирать. Нечего из нашего магазина

комнату ужасов устраивать... Какая-нибудь бабушка здесь рассудка лишится, нас же потом под суд отдадут. Мы ее на склад отправим, пусть ящики считает.

Старшая Клава поддержала:

– Я двадцать лет за прилавком стою, а такого не видела. На складе ей самое место, там посторонних нет. Пусть и чучело с собой берет. Может, какой жулик залезет. Пусть лучше он окочурится, чем честные труженики.

Маша согласилась. На склад так на склад. Лишь бы пользу приносить. Она смотала смерть продуктовую и на склад отправилась.

Скоро туда и Игорь Игоревич пришел с Машей заниматься. Вообще-то Игорь Игоревич был студентом педагогическим. То есть он был наполовину учителем. Но из него, наверное, очень хороший учитель получится. Потому что из-за одной Маши он как на праздник одевался. На нем был костюм в искорку и галстук в серый горошек.

Они занимались и одновременно работали. Морковь по пакетам рассовывали.

Маша просто рассовывала, а Игорь Игоревич задачки придумывал:

– На склад привезли десять ящиков с яблоками и десять с бананами. И пять бумажных мешков с лимонами. В первый день продали несколько ящиков и мешков и во второй столько же. Нужно узнать: сколько продали во второй день? Если в третий продали все, что осталось. И это было меньше,

чем в первый.

Маша спросила:

– Игорь Игоревич, где вы условие задачи взяли?

– У кладовщика в накладной прочитал.

Маша говорит:

– Это неправильная задача. Я в этом магазине три дня работаю и ни разу ни яблок, ни бананов, ни лимонов на прилавке не видела.

– Так быть не может! – говорит Игорь Игоревич. – Если в первый день завезли бананы, то во второй день продали бананы. Так во всех учебниках пишут.

Они к кладовщику пошли, товарищу Поросенкову. Это был спокойный человек, в брезентовом фартуке.

Он говорит:

– Что там в учебниках пишут, я не знаю. У нас все по-другому. На первый день привезли двадцать ящиков с яблоками, на второй день увезли двадцать ящиков с яблоками. На первый день привезли бананы, на второй день вывезли. Только картошка с капустой задерживаются.

Товарищ Поросенков был пенсионер. Ему не повезло с фамилией, но очень повезло с характером. Его ничего не сердило, и из него никогда не выскакивали вопросы. А из Маши они так и летели во все стороны:

– А когда же их увозят эти бананы-яблоки?

– Не знаю, – ответил пенсионер. – Вечером я склад запираю, они есть. Утром я склад отпираю, их нет.

– Это какая-то загадочная тайна, – говорит Игорь Игоревич. – Пока мы ответа на эту задачу не найдем, мы другими заниматься не будем.

Они решили на ночь на складе спрятаться и узнать, куда ящики деваются.

Договорились потеплее одеться, взять фонари, чтобы не страшно было, и все-все расследовать.

Но до этих пор они как обычно картошкой и капустой занимались. Брели мешки, грузили на тележку и везли в торговый зал к Зое и Клаве. Игорь Игоревич все равно удержаться не мог. Он Маше снова и снова задачи задавал, правда, уже полегче – про картошку и капусту:

– На склад привезли десять мешков с капустой и десять с картошкой. И пять бумажных мешков с морковью. В первый день продали несколько мешков и во второй столько же. Нужно узнать: сколько продали во второй день? Если в третий продали все, что осталось. И это было вдвое меньше, чем в первый.

Маша подходила к кассе и спрашивала:

– Скажите, тетя Зоя Михайловна, за сколько часов мы картошку продадим?

– Продадим к вечеру.

– Почему?

– К вечеру народ пойдет. Все расхватает.

Все это Маша сообщала Игорю Игоревичу:

– Я решила все. Картошку продадут к вечеру.

– Почему?

– К вечеру народ пойдет. Все расхватают. Это мне Зоя Михайловна сказала.

– Вот человек! – говорил Игорь Игоревич. – Вместо того чтобы просто решить, полгорода с вопросами обегает. Маме на работу позвонит, справочное бюро на ноги поставит. Все умеет делать, только думать не может.

Они стали готовиться в складе прятаться. Игорь Игоревич пошел домой за фонарями и телогрейками. Маша домой позвонила:

– Папа, не пугайся. Я домой ночевать не приду. У меня дело есть важное. Я буду всю ночь на складе сидеть в засаде против жуликов.

Папа закричал:

– Что это за засады? Ты где работаешь – в магазине или в городской милиции?

– Я в магазине работаю. А здесь постоянно бананы пропадают. И лимоны куда-то деваются.

– Все ясно, – говорит папа. – У вас волки завелись лимонные. По ночам приходят и налимониваются. А ты будешь их арестовывать.

– Волки не волки, – отвечает Маша, – а бывает так, что кобылицы волшебные по ночам приходят и все едят. Как в «Коньке-Горбунке». И потом, я не одна буду, а с Игорь Игоревичем.

Тогда папа успокоился:

– Ладно. Я маме про жуликов ничего говорить не буду. Я ей только скажу, что вы с Игорь Игоревичем в засаде сидите, математику решаете. Это такой новый метод засадный. Современные дети просто заниматься не умеют. Им нужны какие-то особые условия. Им нужно в засаде сидеть или на крыше. Или в поход идти по Африке. Чтобы кругом слоны были и бегемоты. Они тогда все лучше усваивают.

Тут Игорь Игоревич вернулся. Они с Машей засунулись в магазин к Зое и Клаве. Сказали, что домой уходят. А сами тихонечко пошли на склад и спрятались в капусте.

Они тихо-тихо сидели, как мышки. Игорь Игоревич задавал Маше задачки:

– В одну столовую завезли грибы. Белые и подосиновики. Подосиновиков было в три раза больше, чем белых. Сколько всего было грибов, если подосиновиков было девяносто?

Маша сразу решила... Она твердо решила, что летом соберет много грибов и принесет их в школьную столовую для супа. А то у них все рассольник с уткой и рассольник с уткой. Рассольник с уткой и рассольник с уткой. Если каждый начнет в столовую грибы приносить или сухофрукты, у них будет не столовая, а кафе ресторанного типа. Можно будет даже гостей приглашать.

Заскрипела дверь.

Это пришел кладовщик пенсионер Поросенков. Он запер дверь, и засада началась. Маша и Игорь Игоревич укрылись мешками и стали ждать ответа, куда яблоки деваются. Они

ждали, ждали, ждали, ждали... ждали... ждали... и глаза у них стали закрываться.

Они заснули.

Когда они проснулись, кругом было утро. Солнце так и прыгало во все щели. Кладовщик товарищ Поросенков скрипел дверью. Все было как и вчера.

Только лимонов не было.

Игорь Игоревич был мрачный и помятый. Маша тоже выглядела, как будто ее на помойке нашли. И ничего они не узнали, куда яблоки деваются.

Они незаметно выбрались из капусты и стали работать. Опять таскали пакеты с картошкой, консервы, изюм. Хорошо, что в этот день ни яблок, ни лимонов не было. И Игорь Игоревич с Машей могли вечером пойти домой и нормально спать на кроватях.

На следующий день яблоки снова приехали. И бананы с лимонами. Маша прямо так и спросила у Зои:

– Тетя Зоя Михайловна, а когда мы их продавать будем?

Зоя Абрикосова прямо так и ответила:

– Не твоего ума дело. Когда надо, тогда и будем. Если тебя из школы исключили, значит, поменьше спрашивай.

Маша еще сильнее захотела во всем разобраться. В конце рабочего дня они с Игорем Игоревичем снова на склад побрались. И в картофельных мешках спрятались. Только в этот раз Маша похитрее была. Она взяла и тихонечко веревочки привязала к яблочным ящикам.

А от ящиков к Игорю Игоревичу, к ботинкам.

– Все! – сказала Маша. – Они в наших руках!

И тут ночь наступила быстро-пребыстро. За последние дни Маша на складе так уматывалась, что только глаза закрывала, сразу наступало утро. Какие-то ночи стали короткие – секунд десять.

Сегодняшняя ночь была особенно короткой – секунды две с половиной.

Будто какой-то волшебник просчитал: «Раз! Два! Три!» – и покрывало ночное сдернули... И Игорь Игоревич остался без ботинок.

Он тихо закричал из мешков:

– Караул! Ботинки пропали!

Маша срочно отыскала рабочие рукавицы брезентовые и дала их Игорю Игоревичу на ноги. Игорь Игоревич сразу стал похож на большую, хорошо воспитанную обезьяну.

– Тут целая шайка действует, – сказал он. – Мафия. Не только ящики воруют, людей раздевают.

Хотя никто людей не раздевал, а немного разували.

– Мы их обязательно разоблачим! – поклялся Игорь Игоревич.

Кое-как они отработали этот день. Игорю Игоревичу из дома тапочки привезли.

Потом еще один день прошел. И вот третья ночь наступила, самая решительная. Снова яблоки завезли. И лимоны в бумажных мешках.

Продавщицы Зоя и Клава в этот день в кино торопились. Они были раскрашенные и нарядные.

– Картина будет очень хорошая, – говорила Клава. – «Саженьцы» называется. Это про яблони и про огурцы.

– Сама ты про огурцы! – говорила Зоя. – Это про бандитов, которых в тюрьму сажают.

Они повесили «Ушли на базу» и велели Маше магазин запирать.

Маша и Игорь Игоревич магазин заперли и на склад пробрались, пока кладовщик Поросенков двор подметал, гремя своим фартуком.

В этот раз Маша взяла с собой карманный радиоприемник, чтобы не заснуть.

Они его включили и слушали «Последние известия», «Прогноз погоды на завтра», «Встречу с песней», «Передачу для родителей», «Вечернюю сказку», «Из зала суда», «Театр у микрофона», «Прогноз погоды на завтра», «Сегодня в мире», «Прогноз погоды на завтра», «Для тех, кто не спит», «Для строителей БАМ», «Прогноз погоды на завтра».

И вот послышался шум мотора, ярко засветили фары во все трещины складских ворот. Подъехала машина. Двери открылись, и вошел человек.

Он стал грузить ящики в кузов грузовика.

– Дождались! – сказал Игорь Игоревич. – Похититель был. Сейчас мы его разоблачим.

– Не надо его разоблачать, – ответила Маша. – Давайте мы

вместе с ящиками погрузимся. Мы тогда всех сразу возьмем.

Как только человек очередной ящик понес, они из ворот выскользнули. А когда человек ворота запер и в кабину пошел садиться, они в кузов быстренько вскарабкались.

Машина поехала.

Было холодно-прехолодно. И ехали они долго-предолго.

И наконец, когда уже светать начало, они куда-то приехали. Только они с Игорем Игоревичем никак встать не могли. Потому что у них руки и ноги от холода плохо двигались.

Человек начал машину разгружать. Игорь Игоревич встал наконец, взял в руки пакет с подпорченными яблоками, поднял его над головой и говорит водителю-расхитителю:

– Руки вверх! Ваша игра окончена! Мы вас разоблачили!

Водитель руки поднял и отвечает:

– При чем тут я? Я просто шофер. Со мною экспедитор есть. Он за все товары в кузове отвечает. Вы его разоблачайте!

– Зовите его сюда! – командует Игорь Игоревич.

– Товарищ Баранкин! – кричит шофер. – Идите сюда. Вас разоблачат будут.

Товарищ Баранкин подошел и смотрит. Игорь Игоревич ему говорит:

– Руки вверх! Ваша игра окончена! Мы вас раскрыли!

Товарищ Баранкин руки вверх поднял и отвечает:

– Интересное кино: почему это меня? Подождите, не кидайтесь вашей кислятиной. Я вам один документ покажу.

– Показывайте! – разрешил Игорь Игоревич.

Экспедитор товарищ Баранкин бумагу протянул:

– Видите, это наряд на получение овоще-фруктов в магазине на улице Гашека.

– Вижу. И что?

– Вы нам своими нарядами глаза не затуманивайте! – строго сказала Маша.

– Я вам не барышня нарядами глаза затуманивать. У меня наряд есть, я товар получаю. А подпись под нарядом директора нашего сельпо товарища Косогорова.

Игорь Игоревич строго так кричит:

– Все ясно, кто главный зачинщик. Ведите сюда вашего товарища Косогорова. Будем его допрашивать.

Сбегали за товарищем Косогоровым. Теперь уже три человека стоят перед грозным Игорь Игоревичем с поднятыми руками.

Товарищ Косогоров мирно так говорит:

– Знаете что? Зачем вы нас здесь разоблачаете, на улице? Пойдемте ко мне в дом. Жена чаю приготовит. Позавтракаем.

Игорь Игоревич на Машу посмотрел. Она сказала:

– Хорошо. Пойдемте. Только и не думайте убегать. Мы вас из-под земли достанем.

Они прошли в дом товарища Косогорова. Светлый такой дом, с цветами и с канарейкой. Даже не верилось, что преступники такие уютные бывают. Наверное, товарищ Косого-

ров хорошо замаскировался.

Сели пить чай.

Товарищ Косогоров спрашивает:

– Какие претензии вы к нам имеете?

– Вот какие, – ответила Маша. – В магазин по улице Га-шека поступают бананы и яблоки. А покупатели их не видят ни в первый день, ни во второй. Потому что они исчезают в неизвестном направлении. Кто-то каждую ночь их украдает.

Товарищ Косогоров все внимательно выслушал и говорит:

– Можно я задам разъяснительные вопросы?

– Можно, пожалуйста. Только это вас не спасет.

– Вы видели, в каком виде приходят яблоки?

– В каком?

– В таком, что ими только в театре в плохих артистов кидаться хорошо. Дайте мне ваш пакет с кислятиной.

– Какой вы хитрый! – говорит Маша. – Вы нас разоружить хотите.

– Я вас угостить хочу.

– Нет, не надо нас угощать, – говорит Маша. – Тут на весь пакет всего три яблока хороших. Остальные черные.

– Кто же будет в городе такие яблоки покупать? – спрашивает товарищ Косогоров. – Может быть, хорошо, что они исчезают?

– Может быть, и хорошо. А кто будет в деревне такие яблоки покупать? Кому они нужны?

Тут товарищ Косогоров закричал:

– Вась! Вась! Вась!

И из-под скамейки маленький козленок выскочил. Косогоров дал ему яблоко с гнильцой. Козленок как съест это яблоко!

– Пойдемте дальше, – говорит Косогоров.

Он взял пакет и вышел во двор. А там кого только нет. И куры, и гуси, и кролики, и теленок. Как увидели они тухлые яблоки, как обрадуются! Так и кинулись на них.

– Все понятно? – спрашивает товарищ начальник сельпо. – Конечно, это неправильно, но плохими яблоками сельскую местность можно снабжать. Им есть применение. Зато наши рабочие еще и бананы получают. Благосостояние у нас растет, а бананы не растут. И лимоны не растут.

Маша и Игорь Игоревич все уже поняли. И спросили:

– А откуда такие плохие яблоки берутся?

– Я думаю, в этом овощная база виновата. Эти яблоки хранили неправильно.

Тогда Маша и ее учитель поблагодарили товарища Косогорова и всех других товарищей и спросили:

– Скажите, а где тут у вас электричка останавливается?

– А вон там, позади пятиэтажного Дома культуры. У нас поезда очень часто ходят.

Так и закончилась эта история. И закончилась третья профессия Маши Филипенко.

Глава 4

Четвертая профессия Маши Филипенко

Ассистент овощного хранильщика

Как только Маша вернулась домой, она сразу стала отчетную записку писать. А уже потом привела себя в порядок и спать легла.

Отчетная записка

Уважаемый профессор Баринов.

Из магазина по улице Гашека продукты увозят в сельское по. Потому что там порченые яблоки едят сельские хозяйственные животные. А бананов там вообще не видели. Теперь видют. Это на станции Турист.

Главное надо наладить овощную базу для правильного хранения испорченных яблок. Тогда они будут неиспорченные.

Улучшательница Филипенко

На свободном месте Игорь Игоревич приписал:

«С отчетом согласен. Прикрепленный Игорь Игоревич. В дополнение сообщаю, что успеваемость у улучшательницы улучшилась. Я имею в виду математику. А что касается русского языка, сами «видюте».

Через несколько дней появился на свет

Приказ

по Институту Улучшения Производства.

В связи с потребностями времени и по заявке директора овощного торгового предприятия направить улучшательницу Филипенко М. А. на овощную базу Дзержинского района в качестве ассистента хранильщика овощей.

Работы по хранению овощей проводить по воскресеньям без отрыва от школы и семьи.

Главный ученый профессор Баринов.

Маша получила приказ на руки и домой его принесла. Папа прочитал и сказал:

– Мне этот приказ очень нравится. Ты у нас, Марья, совсем от семьи оторвалась. И от магазинов. Вот тебе три рубля, беги в булочную, купи килограмм песка и батон. А когда прибежишь, проводи у себя в комнате субботник. Потому что у тебя там столько мусора накопилось, что пола не видно. На люстре прыгалки висят и на аквариуме колготки качаются.

В школе Екатерина Ричардовна была рада Маше. Она сказала:

– Посмотрите, ребята, как труд полезен третьекласснику.

Маша пошла работать в магазин совсем отсталая. Ни одной задачи решить не могла. А сегодня все сама решает.

Маша так и засияла. Ею можно было весь широкий Невский проспект освещать.

– И Дима Аксенов правильно делает, что у нее списывает. Но решать задачи Маша правильно научилась. А писать грамотно не умеет. Она пишет: «На склад завезли БАтинки...»; «За десятую пятилетку будет поставлено четыре тысячи семьсот электрАвозов...» Она все время «а» и «о» путает. И Дима Аксенов, который правильно делает, что у нее списывает, неправильно делает, потому что списывает с теми же ошибками. Ему можно сразу две двойки ставить – по математике и по русскому. Дима, выбирай, какая тебе больше нравится.

Дима долго выбирал. Потом сказал:

– Никакая не нравится.

– Ладно, – сказала Екатерина Ричардовна. – Поставим тебе по математике. Потому что по русскому у тебя уже есть.

Наступило воскресенье. Рабочий улучшательный день для третьеклассницы Марии Александровны.

Около метро «Варшавская» рано-рано утром в темноте идет веселый поток трудящихся. Это – инженеры, физики, журналисты, сборщики приборов, регулировщики автоматов, студенты и другие представители граждан Москвы. Они, как и Маша, спешат на овощную базу. Так уж принято – овощи надо спасать.

Маша, как приехала на базу, пошла в цех помидорно-яблочного хранения. Там ее встретила начальница цеха – Наталья Павловна Науменко.

Она посмотрела на путевку и сказала Маше:

– Мне некогда тобой заниматься. Ко мне народ пришел разный. Иди к дяде Паше Лексееву, старшему хранильщику. Он тебе все объяснит.

И закричала в глубину цеха:

– Товарищи из метрополитена, проходите к яблокам. Товарищи из медицинского института – к помидорам. А товарищей с телевидения у нас явный избыток. Мы их перебросим в соседний цех на картофель.

Тут у нее зазвонил телефон. Она закричала в трубку:

– Начальник цеха по яблокам и помидорам у аппарата. Я слушаю. Что? Сто человек пропало с «Шарикоподшипника»? Нет, ко мне они не приблуждались. Если придут, я их отправлю в дирекцию.

Потом она обратилась к метрополитеновцам:

– За работу, товарищи! Будем спасать яблоки!

Потом она обратилась к мединститутовцам:

– За работу, товарищи! Будем спасать помидоры!

Снова зазвонил телефон. Наталья Павловна закричала:

– Начальник помидорного цеха слушает... Да, поняла. –

Она обратилась к людям, работающим в цехе: – Товарищи, среди вас нет замминистра по Маркаронии? Его срочно разыскивают. Неожиданно прибыла делегация маркарон-

ских специалистов.

Работающие ответили, что нет.

– Нет. У нас нет такого товарища. Если найдется, мы вас известим.

Люди из разных организаций стали очень весело работать. Все они были одеты как попало. Было непонятно, кто журналист, кто шарикоподшипниковец, а кто просто так себе, физик-теоретик, кандидат наук. Все они очень уважали яблоки и помидоры и очень аккуратно их перебирали. А все работники базы были в синих телогрейках с иголки. И очень важно повсюду ходили.

Дядя Паша Лексеев повел Машу к себе в комнату без окон, стал поить чаем и про свою работу рассказывать.

– Главное в нашем деле – лектрическая вата, – говорил он. – Чем больше лектрической ваты мы сэкономим, тем больше нам, хранильщикам, платют.

Маша слушала затаив дыхание.

– Вот к примеру. Сэкономил я один килограмм ваты, мне четыре копейки премия.

– При чем тут вата? – спросила Маша. – Вату можно в аптеке экономить.

– В аптеке одна вата. В лектричестве другая. Лектрический расход энергии в килах ваты меряют. Мой сосед Пахомыч вчера семь кил ваты сэкономил. Так ему прибавка выйдет двадцать восемь копеек.

– Как он сэкономил? – спросила Маша.

– Он лектpический подьемник выключил.

– И как же поднимали все без подьемника?

– Просто поднимали. Студентами в корзинах. Вчepa суббота была. Много студентов было. Они и поднимали. Наматываешь?

– Наматываю, – сказала Маша.

– Исходя отсюда, у тебя задача будет – везде свет выключать. Лектpическую вату экономить. В стране этой ваты не хватает.

– Но овощей тоже не хватает! – сказала Маша.

– Овощей, вона, завались! – возразил дядя Паша. – Потом, за овощи я не отвечаю. За овощи у Натальи Павловны голова болит. Ей за них отвечать.

Тогда Маша с ходу деловое предложение внесла:

– Может, нам совсем главный рубильник выключить. Вся вата у нас останется.

– Эта мысль правильная! – степенно сказал дядя Паша. – Но не верная. Если мы главный рубильник выключим, все лампочки погаснут. И людям не видно будет, где какой овощ испортился и какой перебирать нужно.

– А если им фонари раздать?

– Когда у тебя в одной руке фонарь, много не наперебираешь. И потом... если мы главный рубильник выключим, весь холод из базы уйдет. Яблоки еще выдержат, а фрукты уже нет. Мы главный рубильник только по ночам выключаем.

Маша все поняла и пошла к начальнику цеха.

– Наталья Павловна, скажите, что важнее – электрическая вата или овощи?

– А почему, девочка, ты об этом спрашиваешь?

– Потому что то и другое сохранить нельзя. Надо или вату спасти, или помидоры с яблоками.

– Не знаю, при чем здесь электрическая вата. Мне лично овощи дороже. Я за них отвечаю.

У нее зазвонил телефон.

– Я вас слушаю. Нет, не присылайте к нам маркаронскую делегацию. Мы вашего сопровождающего не видели. И ансамбль Большого театра нам не нужен. Нам спортсмены нужны, силовики. У нас ни один электрический подъемник не работает.

Она на Машу посмотрела:

– Ты, девочка, что стоишь? Иди на ворота. Будешь их по команде открывать. Электрический мотор на воротах испортился.

Стала Маша на воротах кататься туда-сюда. Вместе со сторожем. Он на одной половинке ворот катался. Она на другой. Как сторож махнет – открывай! – она в одну сторону едет, он в другую. Как сторож махнет – закрывай! – они навстречу друг другу катятся. Сначала у них неловко получалось, чуть-чуть маркаронскую делегацию не прищемили, которая нашлась и уходила. Потом они научились так ловко кататься – лучше всякого мотора электрического. Не меньше полкила ваты сэкономили.

И тут большая машина выезжает, груженная испорченными яблоками. Маша на воротах выехала, чтобы открыть дорогу. А закрывать не поехала. Ушла. Она пошла в Институт Улучшения.

По дороге она думала про сотрудников: «Интересно, а по воскресеньям они работают или нет? Наверное, работают. Они почему-то всегда работают. Это ухудшать производство можно с выходными. А улучшать нужно круглосуточно. Я им сейчас все расскажу!»

Она подошла к двери. Вахтер ее спросил:

– Ты куда?

– К главному ученому Баринову.

– Его нет. Уехачи.

– А Игорь Игоревич есть?

– И его нет. Уехачи.

– А кто-нибудь есть?

– Никого нет. Все уехачи. На овощную базу отправились.

Картошку перебирать.

Глава 5

Не до профессий

Вечером Маша написала очень подробную записку про овощную базу. Что овощи плохо хранятся из-за того, что сторожа электроэнергию экономят. Они по ночам главный рубильник выключают, и холод уходит.

Все Машу очень хвалили, даже папа. Только Екатерина Ричардовна по-прежнему была недовольна Машей. Она говорила:

– Может, ты и приносишь пользу народному хозяйству. Но в школе от тебя пользы нет. Тебе первым делом надо свою успеваемость улучшать. – Она обратилась к классу: – Вот, ребята, смотрите, я задала упражнение. Из предложений первого типа надо было сделать сложные предложения. Вот эти предложения: «Холодный и резкий ветер дует с гор в долину». «Мальчик палочкой гнал обруч по брусчатой мостовой». А дополнительные предложения были такие: «Норовящий поломать все вокруг» и «Одетый в бархатные штанишки». И вот что получилось у Маши: «Холодный и резкий ветер, одетый в бархатные штанишки, дует с гор в долину» и «Мальчик, норовящий поломать все вокруг палочкой, гнал обруч по брусчатой мостовой». Я живу на свете двадцать шесть лет и никогда не видела ветер, одетый в бархатные штанишки. Вы думаете, это неграмотность? Нет, это

небрежность. Желание написать что-либо и бежать по своим более важным делам.

Лучшая улучшательница с ужасом слушала про этого мальчика, норвящего поломать все вокруг своей палочкой. И поняла, что слишком оторвалась от класса и от учебников.

А Екатерина Ричардовна прошлась по классу, горестно посмотрела на каждого. И каждому ее грусть передалась.

И сказала Екатерина Ричардовна:

– Если спросят мое мнение, я скажу: надо Маше отдохнуть от улучшения производства. Надо ей заняться русским языком.

Когда пришла переменка, в классе спор разгорелся – что важнее: народное хозяйство или народная успеваемость?

Валера Готовкин напирал на хозяйство:

– Пока мы население товарами не завалим, нам трудно с него спрашивать хорошую работу.

Дима Олейников возражал:

– Меня не надо товарами заваливать. У меня все есть. Завалите меня только велосипедом гоночным. И спрашивайте любую работу, хоть контрольную.

Лена Цыганова сказала:

– Если ты такая улучшательница, скажи нам, как лучше сборы проводить пионерские. А то у нас ничего не получается. Завтра у нас по плану вечер тихих игр. Так на него никто не придет.

Маша стала думать, как сделать так, чтобы на вечер тихих

игр все пришли. Потому что сидеть и тихо играть в шашки у них было мало добровольцев. Если бы пенсионеров со сквера позвать, их бы от таких игр не оторвать. Они народ сознательный.

А в Машинном классе ребята так устроены, что от тишины бегут, как от пожара. Если бы их надо было ловить, то их ловили бы на шум. Рыба на червяка идет, птица – на зерно, а третьеклассники на шум ловятся. Встань на главной городской площади, возьми в руки кукующий африканский барабан и начни по нему колотить изо всех сил. Чтобы пошли воюющие звуки африканских джунглей. И что будет? Через полчаса все городские третьеклассники возле этого барабана будут косяком ходить. Редко будет среди них встречаться первоклассник. Еще реже четвероклассники. А пятиклассников совсем не будет. Этих старших надо на звуки полкового оркестра ловить. Более старших – седьмой и восьмой класс – можно из всего города на танцы вытянуть и собрать.

С тихим вечером что-то надо было изобрести. Маша решила: пусть каждый из дому свою любимую игру принесет. Он в свою игру играет хорошо. И весь класс будет против него силы выставлять, чтобы выиграть. Вот азарт и появится. Маша сказала Лене Цыгановой:

– Пусть на этот вечер каждый принесет, что у него есть. Кто хоккей, кто летающие колпачки, кто рулетку, кто лабиринт с катательным кубиком. Будет весело!

Лена была хорошая звеньевая, очень старательная. Но ка-

кая-то слегка вареная, кисловатая. И из-за этой ее вареноватости и кисловатости общественная жизнь в классе тоже была вареноватая и кисловатая. Она очень обрадовалась такому предложению и сразу написала объявление:

РЕБЯТА!

Скоро, во вторник,

состоится вечер тихих игр.

Просим всех принести свои тихие игры из дома.

Победителей ждет приз.

Ребята очень обрадовались объявлению и стали готовиться ко вторнику.

Во вторник, как только кончились уроки, ребята, как капельки ртути, по городу разбежались, по домам. А потом снова в одну большую ртуть стянулись. И каждый в школу свою любимую игру принес.

Игры были разные. Дима Аксенов принес карты. Дима Олейников принес телевизионную приставку. Ее к телевизору подключишь – и в телевизоре игроки появляются. И можно ими играть в теннис, управляя ручками с приставками.

Валера Готовкин принес настольный хоккей с военным уклоном. Потому что обе команды хоккеистов были в военно-спортивной форме. В фуражках и пилотках, с лампасами. Эту форму им сам Валера придумал. Получалась хоккейная команда маршалов против команды генералов.

Лена Цыганова принесла такую хозяйственную игру – «Штопай сам». Были и другие игры. Все как начали играть!

Как начали кричать! Шум коромыслом, только лампы под потолком качаются.

Екатерина Ричардовна говорит:

– Дима, разве карты – детская игра?

Дима отвечает:

– Конечно, детская. Мне старший брат все рисунки переделал. У меня не короли и дамы, а разные специальности – врачи в белых халатах, милиционеры в синих брюках. Военные – зеленого цвета и оранжевые – строители. И играем мы не на деньги, а на стихотворения.

– Как так на стихотворения?

– Кто проиграл, должен стихотворение выучить. Или задачу решить, – объясняет Дима.

Екатерина Ричардовна поразилась:

– Вот не думала, что из азартной игры, в которую в подворотне играют, можно учебное пособие сделать. Теперь я первая играть стану. Зовите Машу Филипенко. Мы с ней на диктанты поиграем.

Позвали Машу и стали играть втроем: Маша, Екатерина Ричардовна и Дима Аксенов.

Не успела Маша оглянуться, как дурочкой стала. Она очень в этих картах путалась. Козырями в первый кон милиция была. А Маша в погонах не разбиралась. Она лейтенанта милиции за самого главного приняла. И придерживала до конца игры. Думала, раз у него звездочек больше, значит, он главнее.

А главное-то был генерал с одной звездочкой, но большой. Маша этим генералом в самом начале медицинскую крестовую десятку покрыла. И еще. К ней туз пришел в виде почетной грамоты. А она думала, что это погон военный, а значит, самая маленькая карта. И тоже скорее в ход пустила, чтобы у себя мелочь до конца игры не держать.

Второй раз играть стали. В этот раз Дима дурачком оказался. Ему Маша помогла.

Он сказал:

– Эх, Маша, Маша. Может, ты производство и улучшаешь, но хуже тебя в карты никто не играет. Ты все норовишь соседа засыпать. Меня то есть. А того не видишь, что после моего засыпания Екатерина Ричардовна под тебя ходит.

В общем, в конце игры вся милиция и медицина у него оказались. А строительные рабочие и военные у Маши были. А у Екатерины Ричардовны ничего не было. Только один учебник русского языка.

Она сказала:

– Ты, Дима, будешь Маше упражнение про суффиксы диктовать, вот это. Ты, Маша, будешь Диме другой диктант читать, про прилагательные. Только не шумите. У нас вечер тихих игр.

Зато другим ребятам больше повезло. Надя Абдурахманова как начала штопать, как начала! У ее парты очередь образовалась.

– У кого дырки! Подходи садись!

Дима Олейников горячий был, дурноватый и в Надю влюбленный. Он сам себе в новых штанах дырку прорезал.

Его так хорошо заштопали, просто незаметно, где дыра. Только штопали его, не раздевая. Как говорится, в присутствии заказчика. Поэтому брюки к трусам приштопали.

Он вечером раздеваться стал, чтобы спать, брюки снял, и трусы тоже с брюками уехали. Он ничего не заметил. А утром как начал кричать:

– Караул! Раздели! Где мои трусы?!

Пока трусы всей семьей искали, он в школу опоздал, мама – на работу, старший брат – в институт, папа – в бассейн.

Но это потом было. Давайте не отвлекаться, вернемся на вечер. Класс напоминал развороченный муравейник.

Игр было много. Каждый старался в разных местах очередь занять. Такой шум стоял, что сторож пришел, дядя Шакир.

– Что это вы шумите? Это вам школа, а не стадион.

Потом он увидел, что Валера Готовкин в настольном хоккее не может клюшкой гол забить, и давай кричать:

– Выкручивай! Выкручивай! Крути игроком! Какой бес-толковый!

– А здесь ручки нет, – сказал Валера Готовкин. – Он плохо выкручивается.

– Как нет? Как нет? – заволновался Шакир. – Сейчас сделаем!

Он пошел в электрокабинет, принес пластмассовую ручку

от вольтметра и приделал ее.

В это время бабушка Нади Абдурахмановой пришла, бабушка Роза.

– Это что такое? Почему ребенка до сих пор дома нет?

– Бабушка, я сейчас. Только дырку Аксенову заштопаю на носке.

– Разве так надо иголку держать? – говорит бабушка Роза. – Разве такими нитками штопают?

И давай показывать, как правильно работать надо. Тут появился дедушка Валеры Готовкина, во всем своем генеральском великолепии.

– Что тут мой внук делает? Я из командировки на самолете прилетел, а его дома нет. Может, натворил чего?

– Ничего я не натворил! – кричит Валера из угла. – Я здесь в шахматы играю с Димой Аксеновым.

Дедушка Валеры подошел, стал смотреть. В это время пришел папа Димы Аксенова. Он в магазине работал, продавцом в мясном отделе.

После работы он шел домой мимо школы, видит: в Димином классе свет горит. Он и решил с Екатериной Ричардовой поговорить, узнать, как тут его Дима учится. Как учителя слушает и уважает? Нужно ли ему Диму дома лупить или пусть так ходит, нелупленный. В общем, педагогические вопросы его мучили.

Смотрит он: Дима в шахматы играет.

– Ты что, Дима, проигрываешь?

– Проигрываю, папа.

– Конечно, – говорит Димин отец, – если кому-то генералы помогают.

– Он мне не помогает! – кричит Валера Готовкин. – Он просто так стоит.

– Я тоже буду просто так стоять! – говорит папа Димы Аксенова. – Ну-ка подвинься, сынок!

Тогда и генерал говорит:

– И ты, внучек, подвинься. Давно я не брал в руки шахматы!

Ближе к темноте другие родители тоже стали подтягиваться. Пришел папа Лены Цыгановой, пришла бабушка Димы Олейникова с большой сумкой. Она сразу стала командовать:

– Уже скоро девять часов, а ребенок не ужинал.

Она как достанет целую сумку пирожков. Дима как закричит:

– Отойди со своими пирожками! Ты меня все время преследуешь!

Но другим ребятам пирожки с первого взгляда понравились. Они намекают:

– Дима, ты не прогоняй бабушку. Ты сначала пирожки попробуй.

Дима свое кричит:

– Вот вы и попробуйте. Я даже во сне от этих пирожков бегаю!

Папа Лены Цыгановой был небольшого роста, но очень весомый. Он посоветовал:

– Вы и в самом деле угостите других ребят. Как они начнут есть, и у вашего аппетит появится.

Бабушка решила попробовать:

– А что? Ешьте, ешьте, пожалуйста. Угощайтесь!

Ребята так и закрутились вокруг сумки, как осы вокруг гнезда. Генерал Готовкин говорит:

– Всем можно участвовать? Я летал на Дальний Восток. Не то что обедать, завтракать не успел.

Ему тоже дали пирожки. Тогда папа Димы Аксенова вступил:

– У меня с собой тоже игра есть, называется «Веселые сосиски». А по-другому – «Юный повар-электрик». – И он достал большой пакет сосисок из-за пазухи.

Все заинтересовались:

– Почему это повар – электрик?

– Газовых плит в школе нет, печек тоже не бывает. А разные электронагреватели в физическом кабинете есть.

– Этта точно! – сказал дядя Шакир.

Он пошел в физический кабинет и принес электронагревательный прибор – чайник. В этом чайнике сварили «Веселые сосиски». Дима Олейников больше не кричал, что пристают. Он сосиски ел.

Его бабушка тогда сказала:

– Я все поняла, чем теперь Диму кормить. Я такой чайник

куплю. Буду в нем электрические сосиски варить. Дима тогда сразу поправится, потолстеет. Хорошо учиться начнет.

Все больше и больше родителей приходило.

Екатерина Ричардовна сказала:

– Раз так много родителей пришло, можно родительское собрание провести. Потому что обычно родителей в школу ничем не заманишь.

Она увела пап и мам в соседний класс и сказала:

– Дорогие и уважаемые родители! Знаете ли вы, что наиболее вредно для наших детей?

– Папиросы! – сказал генерал Готовкин.

– Нет.

– Отсутствие витаминов! – сказала бабушка Димы Олейникова.

– Дурное влияние улицы! – решил папа Аксенов.

– Плохие жилищные условия! – сказал весомый Цыганов.

– Нет. Нет. И нет! – твердо ответила Екатерина Ричардовна. – По мнению современных психологов, наибольший вред приносит родительская опека. Она главный детский враг двадцатого века. Так считает академик Столбун. Вы читали его работу «Родители и дети»? Папы и мамы балуют ребят, суют им витамины, одевают в самые лучшие одежды. Лишают всякой самостоятельности. И это губит детей.

Родители несогласно зашумели. Маленькие парты под ними скрипели и шатались.

– Не верите? – спросила Екатерина Ричардовна. – Смот-

рите, кто у нас самый плохой ученик? Дима Олейников. Непослушный, капризный, ничего не усваивающий. Его бабушка прибежала сюда одна из первых. И не просто пришла, а с сумкой с пирожками. Она накормила полкласса. Заметьте, все ей благодарны, кроме внука. Кто у нас следующий по неуспеваемости? Дима Аксенов. Он передовик по двойкам. Его папа здесь, и сосисками обвешан, как грузинский князь патронами. Следующий отстающий – Валера Готовкин. Его дедушка с Дальнего Востока прилетел и куда отправился? В Генеральный штаб? В Министерство обороны? В столовую? Нет, он голодный в школу пришел. Как тут его внук, жив ли? А кто у нас хорошо учится, все быстро схватывает? Пожалуй, Маша Филипенко. Живая девочка, самостоятельная, даже слишком. Где ее мама? Где ее папа? Нет их. Они по первому капризу дочери никуда не бегут. Она у них сама себя воспитывает.

Стали родители видеть, что Екатерина Ричардовна говорит вещи неприятные, но правильные. И замолкли парты под ними.

Папа Маши Филипенко объявился последним. И даже не пришел, а позвонил в учительскую. Телефон долго трещал по всем углам школы, пока Маша к нему не прибежала. Она расческой вытолкала из-под нижней двери крючок, и обе половинки отворились.

– Алло, папа, это ты звонишь? Я так и думала.

Глава 6

Пятая профессия Маши Филипенко Страдания троллейбусного парка

Однажды мама пришла с работы грустная и позвала Машу на кухню чай с ней пить:

– Вы своим Институтом везде в городе производство улучшаете, а о нашем троллейбусном парке даже и не думаете.

Маша поразилась:

– Неужели не думаем? Я обязательно поговорю с профессором Бариновым... чтобы мы задумались. Не грусти, мама.

Как только время у нее выдалось, она отправилась в Институт Улучшения. Вахтер к ней уже привык, дневник не требовал и не придирался. Он закричал вахтерским голосом:

– А! Незамутненная появилась. С чем пожаловала?

– Мы по всему городу производство улучшаем, а о маминском троллейбусном парке даже и не думаем.

– А какой у нее парк?

– Второй.

– А у нас шестой. И о нем мы тоже не думаем. Мы, выходит, уже о двух парках не думаем. Надо это исправлять.

– Я и пришла исправлять, – сказала Маша.

– Очень вовремя, – поддержал ее вахтер. – Все начальство

на местах.

Пожилой профессор Баринов сидел в кабинете на столе и наклеивал почтовые марки.

– А, лучшая улучшательница! С чем пожаловала?

– Вот с чем, – сказала Маша. – Мы по всему городу производство улучшаем, а о мамином троллейбусном парке даже и не думаем.

– Почему не думаем? – удивился профессор Баринов. – Думаем.

– А что мы о нем думаем?

– Я, например, думаю, что в этом троллейбусном парке все в порядке. Троллейбусы ходят, билеты продаются, провода не перепутались.

– Почему вы так думаете?

– Потому. Если бы у них что-нибудь не работало, от них бы давно заявка поступила. Спасите, мол, помогите, погибаем!

– Не поступала заявка? – потускнела Маша.

– Не поступала, – ответил профессор, облизывая очередную марку. – А что у них случилось? Шины лопаются? Билетов нет? Мыши все билеты на обои растащили?

– Я у мамы спрошу, – сказала Маша.

– Выясни, что там у них. И пусть они заявку пришлют. А теперь до свидания. Я занят важной работой. У меня еще сто марок не наклеено.

– Ой, давайте я буду вам помогать! – закричала Маша. –

У меня язык ох какой мокрый!

Они стали наклеивать наперегонки. Маша девяносто марок наклеила, а профессор только десять. Но зато все правильно.

Маша пришла домой, сели они с мамой снова чай пить, и стала она у мамы выяснять.

– Что там у вас, мама, не так? Может, у вас шины лопаются? Может, у вас провода перепутались? Может, у вас билетов нет – мыши всю бумагу на пакеты растащили?

– Нет, – ответила мама. – С этими проблемами у нас все в порядке. Нас другое беспокоит. У нас большая текучесть водительских кадров.

– А что это такое?

– Водители с работы уходят. Из столовой повара не уходят. Из мастерских не уходят. А из водителей бегут.

– Может, вы им платите мало? – спросила Маша.

– Больше всех платим. И путевки даем.

– Может, у них детского сада нет?

– Есть у них детский сад.

Маша как начала выяснять, ее не остановишь.

– Может, у них работа опасная? Сейчас бабушки так перед колесами и бегают. Особенно дети.

– Не бегают у нас бабушки под колесами. Сейчас на всех остановках подземные переходы есть.

– Тогда в чем же дело?

– Это я сама и хочу узнать.

– Знаешь что, мама. Напиши заявку нам в Институт. Вам кого-нибудь выделяют. Сейчас много хороших улучшателей есть.

– Придется, – сказала мама. – Видно, без ваших улучшателей у нас плохо будет. Давай твой дневник.

Не прошло и двух дней, как Машу вызвал профессор Баринов. В этот раз он сидел за столом, ничего не клеил и был очень важный.

– Слушай, Маша, как у тебя в школе с отметками?

– По математике хорошо! Просто очень хорошо! – ответила Маша. – Ни одной двойки!

– А по другим предметам?

– И по другим предметам хорошо. Особенно по математике.

– Ладно, – сказал профессор Баринов. – Сейчас ты возьмешь ручку и напишешь заявление. Это заявление будет и диктант одновременно. Ты его отнесешь к начальнику отдела диктантов. Чтобы он визу поставил. Если он разрешит, выпустим тебя на линию. В троллейбусный парк требуется улучшателя направить.

Маша взяла ручку и стала писать. А профессор Баринов диктовал. Потом то, что получилось, Маша понесла к начальнику отдела диктантов.

– Здравствуйте, Анатолий Юрьевич. Это вам велели передать для визы.

Начальник взял заявление и стал читать:

– «ГлавнАму ученАму прАХфессору БаринАву. Заявление. ПрАшу направить мИня улучшательницей в трАЛебусный парк где работаИт мАя мама». О запятых и мечтать не приходится, – сказал он и поднял телефонную трубку: – Алло. Позовите к телефону прахфессора Баринова. Это сам прахфессор? Очень хорошо. Послушай, кого ты ко мне присылаешь? Это какое-то чудо неграмотности. В ее заявлении, может быть, два слова написано без ошибок.

Видно, профессор сказал что-то положительное про Машу. Потому что начальник отдела диктантов успокоился.

– Ладно. Зачисляй ее в парк. Прикрепим к ней лучшую сотрудницу – жену товарища Жбанова.

Это известие удивило «прахфессора». Потому что Анатолий Юрьевич подтвердил:

– Да. Да. Раз такой случай, бросаем лучшие силы. Я думаю, твою улучшательницу приведу в лучший вид. Как там с троллейбусами – не знаю. Но писать грамотно она научится.

И началась у Маши новая жизнь.

Утром звенел будильник, и она бежала в школу к ребятам. Завтракала на ходу пирожками.

В школе она старалась радовать Екатерину Ричардовну – сидела как можно тише. Не высывалась.

Дима Олейников ей шептал через парту:

– Два пьяных дядьки стоят и спорят. Один говорит: «Это – месяц». Другой говорит: «Это – луна». Идет третий дядька. Они у него спрашивают: «Это месяц или луна?» Он отвечает:

«Не знаю, ребята, я не местный».

Екатерина Ричардовна заинтересовалась:

– Дима Олейников, о чем это ты с Филипенко беседуешь?

– О звездах, Екатерина Ричардовна. О луне.

– На уроке русского языка? Попрошу главного астронома выйти к доске и написать такое астрономическое предложение: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана».

Дима без особой радости подошел к доске и стал царапать как курица лапой: «ВышИл месИц из тумана, вынул ножЕк из кармана».

– Очень мило, – сказала Екатерина Ричардовна. – Кто-то вышил месяц из тумана. То есть взял туман и стал туманом этот месяц вышивать. Кто-то вынул из кармана несколько ножек. Это, наверное, расхититель из табуреточной фабрики.

Олейников наливался соком, как помидор.

– Нет, – продолжала Екатерина Ричардовна, – не туда Олейников ведет Филипенко, не туда. Не в те дали. Филипенко должна сесть и крепко задуматься.

Маша крепко думала. Но все не о том. А о своем троллейбусном парке. Как только звенел последний звонок, она в любую погоду, снег ли, дождь, бежала на остановку троллейбуса «Школа». И ждала там под навесом минут двадцать. Пока подъезжал троллейбус № 66–99 второго маршрута.

Это был Машин троллейбус. На котором она работала.

За рулем сидел водитель Семенов Александр Иванович.

Маша садилась на место ученика. И они ехали.

Хотя Маша ехала на месте ученика, водить троллейбус ей не давали. Зато ей давали в руки микрофон и разрешали объявлять остановки и делать разные билетопокупательные замечания.

– Уважаемые граждане! – говорила Маша строгим голосом. – Наш троллейбус номер два следует по второму маршруту. Кто не взял билеты, возьмите. Кто едет не в ту сторону, выходите. Остановка «Бородинская панорама». Следующая остановка «Поклонная гора».

Люди думали: «Какая хорошая девочка. Папе помогает».

А другие говорили:

– При чем тут помогает? Не с кем оставить ребенка, вот и взяли на работу.

А третьи спорили:

– И это все не так. Это девочка из кружка «Умелые экскурсоводы». Она в троллейбусе практику проходит.

Маше нравилось, что она – умелый экскурсовод. Что она практику проходит. И она старалась:

– Остановка «Поклонная гора». Основана в тысяча восемьсот двенадцатом году Наполеоном. В честь Бородинской битвы. Здесь Наполеон сидел и ждал, что ему принесут ключи от Москвы и будут кланяться. Следующая остановка «Кутузовская».

На следующей остановке Маша продолжала беседу-лекцию с историческим уклоном:

– Но великий русский полководец Кутузов ключей не принес. И кланяться не стал. Именно в честь этого события построена станция метро «Кутузовская», которая – сейчас.

А в промежутках Маша олейниковским шепотом спрашивала у водителя Семенова:

– Почему водители уходят? Может быть, у вас клуба на работе нет?

– Клуба у нас нет. Только не поэтому.

– Может, столовая плохо работает?

– Столовая-то плохо работает. Да не из-за нее.

Маша принимала эти сведения к сведению и продолжала:

– Уважаемые граждане! У нас самообслуживание. Если вы забыли взять билет, не переживайте. Оштрафуйте сами себя и поезжайте дальше. Следующая остановка «Панорама Бородинской битвы». В этой панораме погиб известный русский полководец Багратион. В честь которого названа станция метро «Багратионовская»... Товарищ с авоськой! Товарищ с авоськой! – кричала Маша в микрофон. – Вам выходить, а вы зацепились за пуговицу гражданки в очках. Ей выходить не надо. Поэтому скорее отцепляйтесь... Гражданин с ковром! Гражданин с ковром! Вы совсем придавили бабушку с утюгом у входа... А теперь гражданку с бидоном у окна... А теперь еще лучше – военного у кассы! Да не вертитесь вы, пожалуйста, во все стороны! Нет вы вертитесь, только без ковра! Так я и знала! Теперь вы своим ковром дяденьку в шляпе толкнули. Поднимите, пожалуйста, шляпу.

А теперь поднимите, пожалуйста, дяденьку.

Но Маша не забывала и про главное. И все время спрашивала про текучесть:

– А может, вам квартиры не выделяют?

– Это точно – не выделяют. Да не из-за них.

Тут случилось вот что: Маша увидела, что к троллейбусу бежит Дима Олейников. Он подбежал к задней двери, Маша нажала кнопочку, и задняя дверь закрылась. Но открылась передняя. Дима побежал туда. Маша опять нажала кнопочку. И передняя дверь закрылась, а задняя открылась вновь.

Дима был из тех мальчиков, которые умеют бегать, но не умеют думать. Он опять побежал назад. А Маша сказала по радио:

– Уважаемые пассажиры! Около троллейбуса бегают мальчик Дима Олейников. Он учится на тройки. Пристает к девочкам. Сегодня съел большое яблоко и ни с кем не поделился. Еще он хотел стукнуть пеналом ученицу Машу Филипенко. И смотрите, какой он неумытый и растрепанный.

Все пассажиры с огорчением посмотрели на Диму. А он все бегал от передней двери к задней. От задней к передней. Он понимал, что здесь что-то не так, но все равно не мог выключиться. Только его осеняло, что бежать бесполезно, открывалась очередная дверь и ноги тащили его к ней.

От Димы уже шел пар. И тут Маша сказала:

– Нет, такого мальчика троллейбус не повезет!

Она закрыла обе двери. И пассажиры услышали:

– Следующая остановка «Мебельный». Названа так в честь мебельного магазина. В продажу поступили импортные табуретки.

Проработав в троллейбусе два маршрута подряд, Маша летела домой. Там ее ждала суровая, черная, как грач, гражданка – жена товарища Жбанова, специалистка по русскому языку.

– Десять минут на обед, – говорила она Маше, – и займемся языком. Кстати, как правильно – обеД или обеТ?

– Обед, – отвечала Маша. – Потому что обеДать.

– А как правильно говорить: хлеб и суп?

– ХлеБ и суП, – говорила Маша. – Потому что обед с хлеБом и суПом.

– Получите, – давала ей хлеб и суп жена товарища Жбанова. Она была очень строгая.

Маша смотрела на нее как загипнотизированная. Русский язык так и входил в Машу. А ошибки куда-то из нее выскакивали.

Занятия шли дальше полным ходом.

– Как правильно писать: картофельное пюре с котлетой?

Маша понимала, если она скажет с ошибками, не получит ни того ни другого. Она говорила:

– А можно, я буду есть сосиски с макаронами? Они от завтрака остались.

Потом они учили правила на проверочные слова.

Жена товарища Жбанова говорила:

– Врач.

Маша проверяла:

– Врачом.

– Борщ!

– Борщом!

– Товарищ!

– Товарищом! – кричала Маша.

– Очень хорошо. Очень мило. Нечего сказать! – потрясаясь жена товарища. – Целый котелок с борщом... Съели мы с товарищом. Съели мы с товарищом на радость окружающим. На этом обед заканчивается. На третье вместо компота прочитай правило написания суффиксов после шипящих.

Если звонил телефон, жена товарища Жбанова брала трубку и строгим голосом сообщала:

– Вас слушают.

Нетерпеливый Олейников кричал:

– Это кто там? Кто взял трубку?

– Жена товарища Жбанова.

– Можно Машу позвать?

– Улучшательница Маша Филипенко усиленно изучает русский язык и подойти к телефону не может.

Олейников тормозил, но не унимался и клянчил:

– Можно, пожалуйста, на одну минутку! Мне очень важно.

– В таком случае, Мария Александровна подойдет ровно на одну минуту... Маша, подойди, пожалуйста, к телефону.

Там что-то важное. Наверное, из Верховного Совета звонят.

– Маша! Маша! – кричал Дима Олейников. – Про нас с тобой по радио передавали. Я в троллейбусе слышал.

– А что передавали? – невинно интересовалась Маша.

– Что мы подрались. Что у меня было большое яблоко. И что мне подарили пенал.

– Верно, верно, – вспоминала Маша. – Я тоже что-то слышала. Еще там передавали, что ты неумытый.

– А что это за передача была? – спросил Дима.

– Что это за передача была – не знаю, – ответила Маша. – Наверное, «Пионерская зорька».

Жена товарища Жбанова взяла трубку:

– Я думаю, это была передача «На просторах Вселенной».

Не отвлекайте Машу от занятий, молодой человек.

– Итак, Маша, записывай слова. Могучий, кричащий, толстый, шумящий, свистящий, кипящий. Записала?

– Записала.

– Теперь делай из них краткую форму. Могучий – могуч. Крепкий – крепок. Понятно?

Не успела жена товарища Жбанова дойти до стола, чтобы положить учебник, как Маша уже накатала упражнение. Она подала его учительнице. На листке было написано: «Могуч, кричуч, шумюч, кипячуч».

– Я пять лет учу людей. Разных, от детей до начальников главков, – сказала товарищ Жбанова. – Но такого еще не видела! До свидания. Урок окончуч.

Больше на занятия она не приходила.

А Маша все пыталась и пыталась водителя Семенова про вытекаемость, но выяснить ничего не могла.

Наступил очередной рабочий день. Они ехали с Александром Ивановичем по городу. Маша бойко тараторила:

– Остановка «Московский зоопарк». На эту остановку собраны звери со всего мира. Бизоны из Америки. Слоны из Африки. Кобры из Индии. Недавно поймали двух пингвинов в Антарктиде и завезли сюда. Для зверей созданы благоприятные условия. Их никто не обижает. Их выводят гулять и моют из шлангов. Организовываются выставки зверей. Есть площадка молодняка. Там они лазают по столбам и сидят в воде. Сюда стекаются художники, чтобы рисовать зверей, и ученые, чтобы изучать их.

Маша уже много раз объявляла зоопарк и говорила ходко, как на выступлении в художественной самодеятельности. Вдруг водитель заметил, что она замолкла и полезла вниз под сиденье.

Александр Иванович спросил:

– Ты, Маша, что-нибудь потеряла?

– Нет. Там мой класс садится.

Пассажиры заволновались:

– Вы что замолчали? Рассказывайте дальше. Очень интересно про зоопарк.

Александр Иванович дал Маше микрофон вниз и сказал:

– Ты из-под сиденья не вылезай, но рассказывай. Пасса-

жиры ждут. Сейчас будет остановка «Студенческая».

Маша взяла микрофон и заговорила незнакомым басом:

– Следующая остановка «Студенческая». На эту остановку собраны студенты со всего мира. Студенты из Америки. Студенты из Африки. Студенты из Индии. Недавно поймали двух студентов в Антарктиде и завезли их сюда. Для студентов созданы благоприятные условия. Их никто не обижает. Их выводят гулять и моют из шланга. Организуются выставки студентов. Есть площадка молодняка. Там они лазают по столбам и сидят в воде. Сюда стекаются художники, чтобы рисовать студентов, и ученые, чтобы их изучать.

У пассажиров вылезли глаза на лоб. А Машин класс так и потянулся вперед, узнать, кто это так загадочно рассказывает. Водитель вроде бы мужчина, а говорит детским басом. А Маша дальше несла из-под кресла:

– Остановка «Кафе-котлетная». На эту остановку собраны котлеты со всего мира. Котлеты из Америки. Котлеты из Африки. Котлеты из Индии. Недавно поймали две котлеты в Антарктиде и завезли сюда. Для котлет созданы благоприятные условия. Их никто не обижает. Их выводят гулять и моют из шланга. Организуются выставки котлет. Есть площадка молодняка. Там котлеты лазают по столбам и сидят в воде. Сюда стекаются художники, чтобы рисовать, и ученые, чтобы изучать котлеты.

Тут уже Машины одноклассники не выдержали. Они, как замазка, просочились в кабину водителя и стали везде загля-

дывать.

– Дядя, у вас пластинка испортилась? – спросил Аксенов.

– А где педаль быстрее ехать? – спрашивал Олейников.

– А кто у вас под креслом сидит? – взяла быка за рога

Надя Абдурахманова. – Микрофон туда уходит.

И все увидели Машу.

– Ой, Маша, это ты? Мы на ВДНХ едем.

– А что ты здесь делаешь?

– Я дяде Саше помогаю. Он мой дядя.

Тут троллейбус на ВДНХ приехал. Конечная остановка. Все пассажиры вышли. На остановке ребят Екатерина Ричардовна встречала. Она сказала:

– Я узнала, что дело грустное. Сегодня ВДНХ не работает. Там субботник для сотрудников. Билеты не продают, экскурсии не ходят.

– Эх, – сказал Александр Иванович. – Мне бы туда попасть, я бы вас повозил. Я раньше на ВДНХ работал на троллейбусе. Там провода есть и грузовые троллейбусы ходят.

– А как же ваша работа? – спросила Маша Филипенко. – Ваш маршрут?

– У меня сейчас обед на два часа.

– Тогда, – сказала Екатерина Ричардовна, – у меня есть предложение. Давайте мы вас туда дотолкаем. То есть ваш троллейбус, всем классом.

– Ура! – закричали третьеклассники.

Александр Иванович сел за руль, а ребята шумную тол-

пой погнали троллейбус вперед. Надо было его толкать метров триста. Они очень быстро до ворот доехали. По лужам, по упавшим листьям. Александр Иванович погудел. Сторож ему ворота распахнул, и троллейбус вкатился. Только Дима Олейников застрял. Он самый последний шел. Немного сбоку. В сторожа врезался и стал его толкать.

Еле-еле Олейникова от сторожа отцепили. А на Выставке было полно троллейбусных проводов. Поезжай куда хочешь!

Александр Иванович ребят повез. Они побывали везде. Около павильона космонавтики. У овощеводства. У животноводства. Мимо всех республик проехали. И везде посетителей не было. Везде одни сотрудники работали. Чистили, мыли, подметали.

Только у павильона «Советская автоматика» было пусто. Никто ничего не чистил, не мыл, не вытряхивал. Павильон грустно стоял на просторах ВДНХ на фоне лохматых туч.

Дима Олейников высунулся в окно троллейбуса и дежурного около павильона спросил:

– А что это, дядя товарищ, у вас никто не работает? Ничего не подметают и не трясут? У вас что, нет субботника?

– У нас есть субботник. Только у нас сотрудников нет. У нас же павильон автоматике. Некому подметать.

Лена Цыганова закричала:

– А подметать вам нужно? А есть чего вытряхивать?

– Нужно, еще как нужно. И вытряхивать есть что.

Тогда Екатерина Ричардовна сказала:

– Ребята, поможем автоматам, а то они пылью зарастут!

Ребята обрадовались. Они схватили веники и тряпки у дежурного и давай все чистить, мусор выносить. А попутно им дежурный ученый про свой павильон объяснял:

– Это вот станки программные. Они очень умелые. Ты ему только чертеж покажи, он все сделает. Или деталь надо показать. Вот в это окошечко вставить. Идемте дальше.

И все дальше пошли. А Дима Олейников очень сверкающим программным станком заинтересовался. Не пошел никуда, все рядом крутился. Дежурный продолжал:

– Это автоматические весы. Все сами взвешивают и упаковывают. На упаковке ставят вес и число.

И вдруг предыдущий станок загудел. Что-то стал вырабатывать.

– Ой, – сказала Екатерина Ричардовна. – Его надо остановить.

– Бесполезно, – говорит дежурный. – Он пока все не выточит, ни за что не остановится. Интересно, почему он включился? Что ему показали? Ладно, потом узнаем.

Весь класс работал. Очень хорошо ребята трудились. И Александр Иванович Семенов им очень хорошо помогал, забыв про свой троллейбус. Павильон «Советская автоматика» даже весь засверкал, как будто это была «Советская медицина». Потом дежурный инженер повел ребят в зал, где стояли детские игральные автоматы. И все стали играть, кто во что горазд.

Лена Цыганова играла в автомобиль на горной дороге. Она из пропасти не вылезала. Дима Аксенов с автоматом в шахматы играл. Его автомат как чайник грелся. Он никогда такого игрока не встречал. Дима все до одного хода делал против всякой теории. Таких защит и дебютов ни один учебник не предусматривал. И автомат совсем не знал, куда деваться. Он еле-еле свел партию вничью. А перед этим у самого Таля два раза выиграл.

Валера Готовкин, как военный внук, все в торпедный катер стрелял. Взрывы так и ухали. Казалось, торпеда, того и гляди, автомат с обратной стороны прошибет и поскачет по Всесоюзной выставке народных достижений. Хорошо, что автоматы делают прочные. А водитель троллейбуса Александр Иванович в «Минное поле» играл. Он все танки безошибочно провел.

– Почему? – спрашивали ребята.

– Да. Почему? – заинтересовался дежурный инженер по автоматике. – У нас даже сотрудники в этот автомат играть без потерь не могут. Очень трудная игра – «Минное поле».

– Я в войну танкистом был, – сказал Александр Иванович. – Танки водил. – И ребята его еще больше уважали.

Наконец пришла пора уходить. Дежурный проводил их до троллейбуса. А потом закричал:

– Стойте! Стойте!

Он вернулся в павильон и через полминуты выбежал.

– Вот, – сказал он. – Выточил.

– Кто выточил? Что выточил? – застрекотали ребята.

– Станок-автомат программный выточил... То, что ему в окошечко показали.

– Интересно, что? Интересно, кто? – спрашивали школьники. Все интересовались. Только Дима Олейников не интересовался. Это он сгоряча в окошечко фигу показал.

На другой день, когда Маша пришла на остановку, Александр Иванович сказал ей:

– Я теперь все знаю про вытекаемость... Почему водители уходят.

– Почему? – спросила Маша.

– Потому что у нас товарищей нет. Мы все поодиночке. Я как вчера твой класс увидел, сразу все понял. И дома я один. И в кабине я один. И даже когда мне путевку дают, я тоже один в этом богатом санатории. А я к людям хочу, к друзьям.

...В этот день к научному руководителю Института Улучшения Производства поступили две докладные записки. Первая от улучшательницы Маши Филипенко.

«Уважаемый профессор Баринов!

Водители уходят с работы, потому что они не имеют друзей. Им надо создать коллектив.

Улучшательница Филипенко М.»

Вторая – от жены товарища Жбанова.

«Глубокоуважаемый тов. Баринов!

Улучшительница Мария Александровна Филипенко вполне прилично знает русский язык. Она знает и помнит все правила и исключения. Я не шучу. Если вы хотите в этом убедиться, проведите любой диктант. Но следует делать это в особо затемненной комнате. С хорошей звукоизоляцией. Чтобы не рассеивалось внимание обучаемой и не было отвлеканий во все стороны и по любому поводу. И еще. Следует выдавать сотрудникам, работающим с М. А. Филипенко, чугунное ядро, для привязывания к ноге обучаемой. Чтобы хоть немного сузить радиус ее скакания и прыгания во время занятий.

Ядра следует часто менять. Потому что ввиду особой подвижности этого ребенка они будут быстро изнашиваться.

Ваша товарищ Жбанова».

Глава...

Вернее... как бы это...

Ребята, когда я начинал седьмую главу, я думал, что она будет небольшая. Такая же, как и все другие. Но она размахалась. Получилась большая – как отдельная повесть.

Так я и решил: сделать отдельную небольшую повесть внутри книги. Чтобы была нарисована обложка, было написано, кто автор, какое издательство, было свое название.

И получилась «Повесть о том, как девочка Маша работала геологом в научной экспедиции».

Когда я так решил, мне удалось ликвидировать еще одну путаницу. Вот какую: раньше у меня все шло по порядку: первая глава – первая профессия, вторая глава – вторая профессия. Потом глав стало больше, чем профессий. А после появления на свет повести все вернется на свои места. Количество профессий догонит количество глав. И все будет – блеск!

Повесть о том, как девочка Маша работала геологом в геологической экспедиции

Издательство «Астрель»

В одной семье у папы и мамы жила-была девочка Маша. Третьеклассница. Днем она ходила в школу, а по вечерам и по воскресеньям работала улучшательницей.

В Москве есть такой Институт Улучшения Производства. Он берет толковых детей и посылает их работать на место взрослых. И ребята находят разные способы, как улучшить работу в магазине, в ателье, на подъемном кране.

За свою работу Маша деньги получала. Небольшие – как студенческая стипендия. Но в семье они были неожиданные, и от них была большая польза. Так что скоро цветной телевизор купили.

Однажды научный руководитель профессор Баринов вызвал Машу к себе и говорит:

– Скоро весенние каникулы. Как ты думаешь, мама отпустит тебя в геологическую экспедицию под Вышний Волочок?

– Куда, куда? – спросила Маша.

– Под Вышний Волочок.

– Конечно, отпустит, – сказала Маша. – Она сама мне каж-

дый день говорит: «Что это ты все дома сидишь? Сходила бы куда-нибудь в научную экспедицию под Вышний Волочок».

– Если так, – сказал Баринов, – то хорошо.

Он рассказал Маше суть дела. Два года назад в Вышнем Волочке в подвале аптеки № 1 нашли ящик с минеральной водой. Рабочий, который обнаружил ящик, сразу выпил две бутылки. И с ним произошли чудеса.

Он разогнулся, хотя был повышенной скрюченности. Бросил пить, а перед этим постоянно воровал дефицитные лекарства, которые были на спирту. Снова стал читать газеты и книги.

Другие сотрудники аптеки, которым достались другие бутылки, тоже убедились в невероятной целебности этой воды. У них в семьях нормализовались отношения. Они перестали ссориться и ругаться по пустякам. Хотя каждому члену семьи досталось не больше чем по глотку.

Этим случаем заинтересовались ученые. Они установили, что в Вышневолоцком уезде, где-то на окраине, был целебный источник. Тщательно скрываемый местными жителями. Его воду добывали монахи и продавали как лекарство. Вода называлась «Монастырская минеральная». Главное ее достоинство было в том, что она успокаивала нервных людей. Снимала головные боли, прогоняла страхи, смиряла буйных.

Источник и так-то был скрывается как святой. А после революции и гражданской войны его следы были окончательно потеряны.

И вот в наши дни, когда есть особая нужда в успокаивающей воде, уже три экспедиции были в этих краях, но источник найти не могли. Теперь готовится четвертая.

– Ты, Маша, поговори с мамой. Если она тебя отпустит, приходи, я тебя познакомлю с геологами и с материалами. С заметками из старых газет, с записями рассказов очевидцев.

Маша с места отправилась в троллейбусный парк к маме... Советоваться.

Когда она подошла к зданию паркоуправления, она была сильно обрадована: на здании была афиша.

ВНИМАНИЕ!

Организуется Большой Театр

Водителей Троллейбусов! БТВТ!

Приглашаем всех водителей и членов их семей
принять участие в создании первого спектакля.

Он будет называться

«ПОЛНОЧНЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС».

Главные роли будут поручаться только водителям!

Репетиции будут проводиться в ночное время.

ВСЕ В БТВТ!!!

«Молодцы троллейбусники! – подумала Маша. – Уже объединяют водителей в коллектив».

В отделе мамы было пять столов и пять сотрудников. И все сотрудники немедленно спрятали под столы чашки и электрический чайник. Потому что готовить чай на работе и включать электрочайники запрещается. А они подумали, что

это не Маша пришла, а старший троллейбусный пожарный.

У мамы был самый большой стол. Она была самая главная в отделе. Вокруг на стенах висели цветные фотографии троллейбусов, стояли шкафы с папками и всякими квитанциями.

Сотрудники стали спрашивать:

– Ой, это ваша дочка? Как похожа на вас. У нее точно такая же шапочка.

– Это она мою забрала! – сказала мама.

– А куда она у вас отпрашивается?

– В экспедицию под Вышний Волочок на каникулы.

– А что эта экспедиция делает? Нефть ищет? Фольклор собирает?

– Она целебный источник разыскивает. Там вода раньше очень лекарственная была.

Заместитель мамы по хозяйственно-экономическим вопросам – по проводам, билетам, шинам и троллейбусным кассам – Александр Фирсович Бельгийский сказал:

– Если бы меня позвали в экспедицию под Вышний Волочок искать источник, я бы совсем даже не думал, я бы бегом побежал.

Тогда мама сказала строгим голосом:

– Очень плохо, что вы у нас иногда совсем даже не думаете и куда угодно готовы бегом бежать. Зато наше производство, в смысле технического снабжения, на месте стоит. У нас на линии все провода второго сорта латунные, марки

ПЛ-6, а в других парках медные провода ПМ-8. И остановки на нашем маршруте самые длинные. Почему? Потому что вы остановочной фабрике заказали мало остановок застекленных переносных троллейбусных. А про угольные башмаки вам любой прохожий скажет, что они у нас пониженной износостойчивости!

У Александра Фирсовича голова так книзу и кинулась. Видно, мама давно искала повода его отчитать. Он сдержанный был и тихий, не высовывался. А сейчас высунулся и ей подвернулся.

Маша тихо спросила у одной молодой сотрудницы:

– А что, медные провода лучше, чем латунные?

– Конечно, – ответила она. – Им и сносу нет, и ток они лучше пропускают.

– Мама, мама, – сказала Маша. – Что мне профессору Баринову ответить про экспедицию?

– А то! – ответила мама. – В эти снега я тебя одну ни за что не пущу. Если еще хоть один ребенок поедет – пожалуйста!

Маша сразу отправилась под ясные очи профессора:

– Дементий Дементьевич! Мама говорит, если еще хоть один ребенок поедет в эти снега – пожалуйста.

– Снег скоро сойдет, – ответил профессор Баринов. – А насчет ребенка... Я помню, у вас там в классе был один мальчик с практическим уклоном. Он в сочинении написал, что на улицах надо сажать не деревья, а яблони. А старые дома не ломать, а переносить на крыши новых домов. Этот маль-

чик подойдет.

– Это Валера Готовкин. Он очень хозяйственный мальчик, но очень избалованный. У него дедушка генерал. Он за каждым шагом Валеры следит. Он его не отпустит.

Профессор Баринов не согласился:

– Новая педагогика утверждает, если дедушка над внуком трясется, каждым шагом командует, все наоборот получается, что внук – главный командир. Если ему экспедиция понравится, он не только сам поедет, но и дедушку с собой заберет. Понятно?

– Понятно, – сказала Маша. – Начинаем работу с внуком.

Профессор Баринов дал Маше старинную газету. Она называлась «ТВЕРСКІЯ ВЪДОМОСТИ».

– Вот, Маша, познакомься с материалом. Может, тебе пригодится.

В газете была заметка: «Новейший целебный источник». Маша стала изучать заметку. В ней было написано:

«В то время, какъ у насъ известны только целебные воды Кавказа, на окраине Тверской губернии существуетъ не менее целебный источникъ.

Об этом сообщил нам «Справочный листокъ старорусскихъ минеральныхъ водъ».

Как велики его целебные свойства, можно судить по истории с дочерью помещика и землеустроителя Федота Павловича Кузмичева.

С первых младенческих лет Елена Кузмичева была истерична и драчлива. Если что-нибудь было не по ее,

она ложилась на пол и била ногами. Это очень огорчало родителей. Елена кидалась в слуг и гостей разными предметами. Ей ничего не стоило укусить кого-либо.

Однажды она укусила собаку.

Ни поездки в Кисловодск, ни поездки в Карл-Штадпирс не помогали. Но как изменилась девушка и ее поведение после того, как крестьяне ближайшего прихода принесли Кузмичеву четвертную бутылку целебной воды. Девушка перестала истеричничать, стала спокойной и веселой.

Известно, что Кузмичева не единственная, кому помогли целебные воды сельского источника. Жаль только, что крестьяне скрывают его местонахождение.

Необыкновенного интереса заслуживают такие воды. Необходимо только помнить, что такого вида лечения должны проводиться под постоянным наблюдением специалистов. Не все хорошо переносят успокаивающую воду».

Маша с большим удовольствием познакомилась с этим материалом. И подумала, что кое-кому в их классе неплохо бы дать этой успокаивающей противокусательной воды.

На другой день она пришла в школу и сказала Валере Готовкину, что есть возможность в каникулы пойти во взрослую экспедицию под Вышний Волочок.

– Понимаешь, Валера, там целебный источник потерялся. Взрослые его никак найти не могут. Им помощь ребят требуется.

– А что? – сказал Валера. – Мы всех тамошних ребят под-

нимем. Мы враз источник найдем. Надо только точное место знать.

– В том-то и дело, что никто не знает точного места. Надо экспедиции помочь. Меня мама отпускает. Только не одну, а чтобы еще кто-нибудь поехал.

Валера, как услышал про это, сразу взял Машу за руку:

– Пошли, пожалуйста, ко мне домой с дедушкой разговаривать.

Они пришли, и их сразу посадили за стол. Стол у Валериного дедушки был тяжелый и огромный. За него можно было сто человек посадить, точнее, двадцать.

Им дали картошки и хлеба, и дедушка сказал:

– Докладывайте.

Валера стал докладывать. Но как-то не по-военному, издалека. Он сказал:

– Некоторые в экспедиции ходят. А некоторые барчуками выращиваются.

– Это кто же у нас барчуками выращивается? – спросил дедушка.

А бабушка с половником насторожилась. Встала по стойке «смирно». Она почувствовала, что готовится какая-то операция со стороны Валеры.

– Я у нас барчуками выращиваюсь! – сказал Валера. – У меня никаких трудностей нет.

– Я тебя запроу сегодня в чулан без штанов, – сказала бабушка. – Вот у тебя и будут трудности.

Валера находчивый был и практичный. Он сразу возразил:

– Если бы д'Артаньян в чулане без штанов сидел, он никогда бы д'Артаньяном не стал, а был бы каким-нибудь Ришелье или вообще Миледи.

Дедушка-генерал не стал про чулан без штанов говорить. Он стал Машу спрашивать. Кто такие эти некоторые? Что это за экспедиция? И Маша все ему подробно объяснила и рассказала. Тогда дедушка снял телефонную трубку и командовал кому-то:

– Машину генерала Готовкина к подъезду!

А потом он обратился к Маше:

– Сейчас мы к твоему профессору Баринову поедem. Очень меня этот старинный источник интересует с военно-медицинской точки зрения.

Они втроем спустились вниз. У подъезда уже стояла черная «Волга» со всякими антеннами. За рулем сидел солдат.

Дедушка и два юных кандидата в геологоразведку сели и поехали. В машине был телефон. Он вдруг застрекотал. Дедушка взял трубку:

– Генерал Готовкин у телефона. Слушаю, товарищ командующий! Не беспокойтесь, товарищ командующий. Приеду вовремя. Только опоздаю на двадцать минут. Я тут одной проблемой заинтересовался военно-медицинской. Проблемой целебной воды. Есть возможность принять участие в геологической экспедиции под Вышний Волочок. Там обна-

ружен пропавший источник. Источник с медицинской успокаивающей водой. Она же залечивает раны... Так точно... Об исполнении доложу.

Скоро машина приехала в Институт Улучшения.

Вахтер не стал спрашивать документы у генерала Готовкина.

Какие уж тут документы, когда у него красные лампасы за километр видно. Только про себя вахтер подумал: «Во наши дают! Генералов усовершенствуют!»

Потом, когда все прошли, он еще подумал и сам с собой не согласился: «Как же их усовершенствовать, когда наши генералы и так самые лучшие в мире?»

Потом он еще немного подумал и все-таки понял: «Можно их усовершенствовать. Если генерала усовершенствовать, из него маршал получится».

Профессор Баринов был у себя в кабинете. Они с генералом поздоровались и обнялись. Оказывается, они давно друг друга знали. Они в одном классе раньше учились.

Генерал сразу сказал профессору Баринову:

– Ну, отвечай, чего ты там мудришь со своими источниками?

Баринов ответил:

– Это ты мудришь. Молодежь зажимаешь. А нам очень нужны молодые люди со свежим взглядом на жизнь.

– Понимаешь, он у нас один, – сказал генерал Готовкин. – Бабушка без него помрет.

– Не помрет, – сказал Валера. – Мы ей внучку Лариску из Саратова выпишем.

– А может, того... и бабушку... в экспедицию? – спросил генерал. – Она готовит прекрасно. И чай, и котлеты.

– У нас экспедиция, а не выездная столовая, – заметил Баринов. – На лошади она ездить может? Или костры разводить? А спать в палатке на снегу она согласится? Или, например, на сосну залезть сумеет?

Как только профессор заговорил про все это, генерал понял: теперь уж Валеру ему ни за что не удержать. Он только спросил:

– А что, от ребят много пользы бывает?

– Если бы не было, мы бы все это не затевали.

Но генерал Готовкин не сдавался:

– А как твой источник в оборонном смысле? Имеет значение для армейских нужд?

Профессор Баринов ответил:

– Живая вода еще в сказках требовалась, чтобы воинов оживлять. А уж сейчас она нужна еще больше. Ракет и пушек много, а нервов хороших нет.

Он открыл стол и достал еще одну старинную газету.

– Посмотри, старый друг, вот это.

Это был «Сводь роста новобранцевъ разныхъ странь».

Страна	Минимальный ростъ в миллиметрахъ
Швеция	1608
Соединенные Штаты	1600
Англия (въ Европѣ)	1600
Бельгия	1570
Германия	1569
Италия	1569
Австрия	1553
Франция	1540
Россия	1534

– Для интереса тебе скажу, что в Вышневолоцком уезде новобранцы были, как в Швеции. Высокие и сильные. Потому что эта вода на всех ярмарках монахами продавалась. С детских лет все пили «Монастырскую минеральную». Или «Святую серебряную». А вот выписка из дневника начальника военно-окружного управления Тверской губернии Шевырева:

«В строевыхъ ученьяхъ, маршировкѣ, верховой ездѣ, гимнастикѣ, фехтовании, плавании, полевой службѣ, физическия качества солдат Вышневолоцкого уезда были выше всѣхъ».

Генерал Готовкин прочитал заметку своими глазами. И сказал:

– Бабушку ты нашу не берешь. А вот представителей военных госпиталей придется.

Он козырнул, взял Валеру за руку. Валера взял Машу за руку, и они понеслись к автомобилю.

Только они сели, генерал стал звонить:

– Алло, товарищ командующий, разрешите доложить. Я узнал, что готовится большая экспедиция для поисков целебного источника. Чрезвычайно нужного для оборонных нужд. Кто организует? Организует Министерство геологии. – Он посмотрел на Машу с Валерой. – Еще присоединилось Министерство просвещения в лице двух сотрудников. Хорошо бы из наших кого-либо выделить. Из управления госпиталей. Спасибо, товарищ командующий. Я дам распоряжение.

Он высадил Машу и Валеру около дома и поехал в свой генеральный штаб.

Не прошло и двух недель, как экспедиция отправилась. Маша думала, что экспедиция – это собачьи упряжки, оленьи нарты, вездеходы. А ничего этого не было. Просто приехали они на железнодорожный вокзал – один сотрудник, геолог по фамилии Стороженко, двое ребят и один лейтенант Соколов из управления госпиталей.

Правда, было много провожающих. Папы, мамы, жены. В том числе один генерал в полной красивой форме. Он говорил Валере:

– Ты, Валера, когда будешь источники искать, не всякую воду пробуй. Неизвестно еще, что там из-под земли бьет. Может, где канализацию прорвало или нефтепровод лопнул.

– А вы, товарищ лейтенант, за моим внуком присмотрите. Уж больно горяч!

– Остудим, товарищ генерал! Не беспокойтесь.

Все погрузились в поезд и поехали.

Эх, хорошо в поезде ночью. Ни тебе уроков, ни хлопот. Лежишь на верхней полке и думаешь о прожитой жизни. И о будущей жизни. И не просто лежишь, а лежишь как сотрудник. И нет рядом любимой мамы и дорогой бабушки. И немного страшно, и очень интересно.

Колеса: трах-тах-тах. Трах-тах-тах!

Деловая Маша сразу заснула. Чего зря время терять? А Валера Готовкин не был избалован разными событиями. Он не спал. Он все мечтал под стук колес – вот как пойдет он в лес, вот как обнаружит там источник. И вода в источнике будет чистый пенициллин с валерьянкой.

А колеса: трах-тах-тах! Трах-тах-тах!

А потом он самородок найдет из чистого золота, с бриллиантами килограмм на восемьсот. Потом он увидит в болоте крест. Все будут думать, что это могила старинная. А он лопатой копнет, и станет ясно, что это целая старинная церковь в болото опустилась со всеми украшениями.

И пещеры Валера найдет.

И неизвестную науке гору откроет.

В общем, он времени даром терять не станет. Ох, как хорошо ночью в поезде.

Трах-тах-тах! Трах-тах-тах! У-у-у! – это наш поезд спешит.

У-у-у! Хат-хат-харт! Хат-хат-харт! – это встречный промчался.

Ба-бах! – это Валера Готовкин с лавки слетел, докрутился. Он потому крутился, что все время мечтал и твердо хотел в эту ночь не спать.

В самый разгар ночи поезд прибыл на станцию Вышний Волочок. В купе вошел проводник и стал всех будить.

Лейтенант Соколов и Маша Филипенко сразу проснулись. Геологический сотрудник, не просыпаясь, взял вещи и пошел к выходу из вагона. А Валера Готовкин не мог проснуться. Он все брыкался и кричал:

– Бабушка, не буди меня, у нас каникулы! Бабушка, не буди меня, у нас каникулы!

Лейтенант Соколов взял его под мышку, взял свой чемодан и поспешил к выходу. Маша несла два рюкзака – свой и Валерин.

На платформе у поезда был всего один встречающий.

– Вы из экспедиции?

– Из экспедиции.

– Пошли со мной в машину. Я шофер – Миша Гагарин.

Он взял в каждую руку по рюкзаку и повел экспедицию через мост над путями к своему «газику».

Лейтенант Соколов нес Валеру Готовкина. А тот иногда брыкался во все стороны и кричал:

– Бабушка, у нас каникулы!

За ним шла Маша и смотрела, чтобы что-нибудь из Валеры не вывалилось.

И последним шел непросыпавшийся сотрудник Стороженко. Видно, он был очень тренированный геолог.

Все уселись в теплый «газик» и поехали. Миша Гагарин гнал машину шустро и бестолково. Она прыгала на всех ухабах и заезжала во все лужи. Брызги так и летели во все стороны, будто это был не «газик», а поливальная машина.

Когда они ехали по ночному Вышнему Волочку, по асфальту, это было еще ничего. Кое-кто начал даже дремать. Но вот они выехали на пригородное неглавное шоссе. Тут машину как бросит. Все, кто в ней был, подлетели вверх. Потом вбок. Потом начали лететь вниз, да как прыгнут снова вверх! Да как стукнутся головой в потолок!

Маша вылетела из валенок.

Валера Готовкин закричал:

– Бабушка, не бросай меня на пол. У нас каникулы!

Лейтенант Соколов был переброшен на место Миши Гагарина. Миша Гагарин проглотил окурок и потерял ориентировку. Потом он увидел, что сидит на чужом месте и вместо руля крутит военную фуражку. Геолог проснулся и сказал:

– Узнаю вышневолоцкую землю. Сейчас начнется.

Но сейчас ничего не началось. Лейтенант Соколов вел ма-

шину ровно, как самолет. Никто больше из валенок не выскакивал и окурки не глотал.

Миша только успевал командовать:

– Сейчас будет свертка налево! А сейчас свертка направо!

Скоро фары высветили речный забор и «Добро пожаловать!» над ним. Это был пустующий пионерский лагерь. В котором разместились база экспедиции. Машу и Валеру отнесли в хозяйственную комнату. Положили на запасные пионерские матрасы и накрыли огромным ватным одеялом, размером с футбольное поле. Под этим одеялом можно было бы разместить весь Машин класс. Если бы он, конечно, лежал мирно, как селедки. Даже заплатки на нем были размером с дворницкий фартук.

Маша и Валера спали часов сто. А то и тысячу.

Утром Валера проснулся первым. Глаза открыл и ничего не узнает. Ни этих матрасов, ни ящиков с мылом, ни мешков с сахаром он никогда в жизни не видел. Из всего, что было вокруг, он только Машу узнал. Он ее разбудил и спрашивает:

– Маша, куда мы попали?

Маша ответила:

– Кажется, это продовольственно-одежный склад. Значит, мы приехали.

Валера стал мешки исследовать. Нашел кусок сахара, начал грызть.

– Эх, жалко, – говорит, – что здесь мешка с котлетами нет.

Тут откуда-то так вкусно запахло, что ребята сразу на за-

пах пошли. И пришли в большую комнату, где геологи завтракали. Они были бородатые, в свитерах, такие сильные. И сидели они вокруг стола для настольного тенниса.

– Ага, молодежь пожаловала! – сказал лейтенант Соколов. – Немедленно дать им каши и хлеба с маслом, полбуханки на брата.

Ребятам дали пшенной каши почему-то в кружках и мягкий серый хлеб. Очень вкусный.

Валера Готовкин спросил:

– А где тут можно зубы почистить и душ принять перед завтраком?

Геологи переглянулись. И самый бородатый, его звали Юра Лоза, позвал Валеру с собой на улицу. Он показал ему на мокрый лес вокруг и сказал:

– Руки помыть и зубы почистить здесь можно под каждым кустом. Или вон в том туалете дощатом, на котором буква М деревянная прибита. А душ принять можно в этой бочке для дождевой воды. Сейчас с крыш такая вода течет мягкая, никакого мыла не надо.

Валера добежал до буквы М. Он впервые видел такой туалет – с дырками в полу. Ведь провалиться можно запросто. Не зря говорят, что опасная жизнь у геологов.

В конце завтрака все пили чай из этих же кружек. Потом Юра Лоза сказал:

– Сейчас к нам приедут представители из Вышнего Волочка. Будет совещание. Прошу всех привести себя в пристой-

ный вид. И приходиться в клуб. После совещания – сразу по машинам и по объектам. Необходимые вещи берите с собой.

Как раз прогудел гудок. Это пришла машина из города с представителями. Юра Лоза и геологический сотрудник Стороженко провели их в пинг-понговую и тоже дали чая с хлебом и маслом.

Потом все прошли в клуб.

В клубе Юра Лоза сказал:

– Уважаемые сотрудники и представители города! Уже четвертый год подряд мы приезжаем сюда для поисков источника. Тратим государственные деньги, занимаем транспорт, отвлекаем от работы многих людей. И все безрезультатно. Но источник нужен стране. Сохранилось несколько бутылок воды с дореволюционного времени. И выяснилось, что вода из аптеки номер один – самая целебная вода из всех известных науке. Она заживляет раны и ссадины. Успокаивает истериков. Сдерживает нервных от ругательств. Придает силы старым. Что чрезвычайно важно, потому что у нас в стране резко увеличилось число пенсионеров. И страна все равно найдет эту воду. Если мы не справимся, выйдет несколько рабочих партий. Они будут бурить скважины, исследовать подземные потоки. Они составят карту подземных вод и выйдут в нужную точку. Только все это будет стоить больших денег. Если же мы сами найдем источник, сэкономленные деньги можно будет пустить на строительство школ, детских садов, санаториев. Поэтому все внимание и все силы

на поиски целебной воды. Кто что хочет сказать?

Встал пожилой представитель городской общественности:

– Моя фамилия Коромыслов. Я работаю спецкорром в «Вышневолоцкой газете». Я исходил весь район от границы до границы и ни о чем подобном не слышал. Ничего у вас не выйдет.

– Выйдет! – сказал Юра Лоза.

– Тогда ищите в районе Бологого – Лыкошина. Я там редко бывал. Там свой корреспондент есть, Куженкин. Может, в его владениях что-то и есть.

– Хорошо, – сказал Юра Лоза. – На этот район обратим особое внимание. Кто еще хочет говорить?

Слово попросил поживоватый, но еще молодой человек в новой летной форме. Это был представитель гражданской авиации. Он сказал:

– Товарищ специальный корреспондент совершенно не прав. Мы обслуживаем самолетами пожарную охрану и лесничества. Так у нас в краю этих источников видимо-невидимо. Есть не только заброшенные источники, но целые заброшенные деревни. Дайте мне карту, я вам по памяти этих ключей штук десять нарисую.

Юра Лоза достал карту и позвал геологического сотрудника:

– Володя Стороженко, нанеси ключи на карту. Только будь повнимательнее. Для них с самолета все на сантиметры меряется, а нам километры шагать.

Потом Юра Лоза походил по сцене и спросил:

– Я знаю, что среди вас врачи есть. Пусть они скажут: в каком краю вашего края самые здоровые люди живут?

Главный врач района товарищ Радкин Виктор Александрович сказал:

– Здесь мы вам ничем помочь не можем. Во всех краях нашего края живут самые здоровые люди. Особенно жалуются сельские доктора. Один говорил мне: «Мои трактористы здоровее своих тракторов стали. Я уже забыл, как градусник выглядит».

– Очень печальный факт! – сказал Юра Лоза. Хотя ничего печального в этом факте не было.

Между прочим, и сам Юра Лоза был, пожалуй, поздоровее не только трактора, но и танка. Он горестно всех поблагодарил и закрыл совещание. И геологи стали расходиться по машинам и лошадям.

Валера Готовкин с лейтенантом Соколовым и Мишей Гагариным пошли в «газик» грузиться на несколько дней. Они в сторону Бологого – Лыкошина ехали.

Маша с геологическим сотрудником Володей Стороженко должны были на автобусе доехать до деревни Леонтьево и исследовать там два ключа, которые летчик показал. И еще сельский магазин. Чтобы купить там продуктов. Потому что они были дежурными по лагерю назначены. К десяти вечера им надо было приготовить ужин на сорок персон.

– Почему на сорок персон? – спросила Маша у Юры Ло-

зы. – Ведь геологов всего десять.

– А каждый будет есть за четверых, – успокоил ее Юра.

И всем отъезжающим Юра давал жемчужные таблетки-шарики.

– Эти шарики в целебной воде растворяются. Как только шарик растворился, нашли!

И быстро-быстро затих пионерский лагерь.

Маша и геологический сотрудник шли по весенней дороге. Здесь, за городом, сотрудник был совсем другой. Он и не думал спать. Глаза у него сверкали. Он во все дела встревал. И вообще, был как новенький.

Маша у него спрашивала:

– А почему вы экспедицию весной устроили? Ведь летом легче.

– Летом столько травы и кустов, что ничего не видно. Зимой, пока снег, каждый ключик на виду. Вот и мерзнем.

– А как вы думаете, мы найдем ключ?

– Конечно, найдем. Я найду.

– Нет, я! – скромно сказала Маша.

Они подошли к деревне. У входа стояли два столбика с надписью: «РАКИТНОЕ». Буква И твердой рукой была переправлена на Е. Получалось – «РАКЕТНОЕ».

– Рядом, наверное, военная часть, – объяснил Стороженко. – Вот и переправили.

– Что такое ракеты, я знаю, – сказала Маша. – А что такое ракиты?

– Это деревья такие, – ответил геологический Стороженко. – Помнишь песню:

Ой, шуми ты, куст раkitовый,

Вниз под ветром до земли...

КазакИ дружка убитого

На шинели принесли...

Потом он еще сказал:

– У нас любят все переименовывать. И деревни, и улицы. Однажды мы село такое искали – «Черный бык». Мы узнали из летописи, что там руда была. Ищем, ищем... Нет такого села! Всю область исползали. Оказалось, оно уже лет тридцать как по-другому называется – «Красный быт». Другое село когда-то называлось «Парасенково». Теперь его ни на одной карте нет. Потому что оно уже не «Парасенково», а «Прогресс Синьково».

Маша с интересом все слушала. И наматывала, наматывала...

Деревня Ракетное была очень веселая. Вся-превся выкрашенная. Один дом был весь ярко-зеленый, даже едко-ярко-зеленый, от головы до ног. Крыша ярко-зеленая, забор ярко-зеленый, даже каждый колышек для теленка ярко-зеленый. Даже яблони побелены ярко-зеленой краской. Другой дом был неожиданно весь фиолетовый от первой до последней досточки. Даже почтовый ящик, висевший на дереве, кстати, на раките, был фиолетовый. Третий дом был крас-

ный, как пожарная машина. А последний дом был весь ярко-желтый, будто в нем жил начальник ГАИ.

– Почему такая деревня? – спросила Маша. – Как будто дети раскрашивали.

Володя Стороженко на это ответил:

– Я люблю вышневолоцкие деревни за то, что они все неожиданные. Одна на другую непохожие. Все у них разное: от количества домов до количества этажей. Помню, в одной деревне все заборы были как из тетрадки в косую линейку. Из длинных металлических реек. Их, наверное, перепиливать не умели, вот и ставили наклонно. В другой деревне все крыши сверкали, как космические. Они были какой-то особой пленкой покрыты. На колодце крыша есть, так в нее причесываться можно. Сидит ворона и сама себя клюет. В третьей деревне все дома были трехэтажные. Такие небоскребы бревенчатые.

– А почему здесь все красят? – добивалась своего Маша.

– Наверное, здесь влажное место и дерево без покраски портится. А может, у них краски завалились. В магазин ничего другого не завозят.

Посредине деревни от дороги отходила «свертка». Стоял указатель. И секрет всеобщей покрашенности сразу раскрылся. Потому что на указателе было написано:

РАКИТНЫЙ ЛАКОКРАСОЧНЫЙ КОМБИНАТ 10 КМ

– Прояснилось? – спросил Стороженко.

– Прояснилось, – ответила Филипенко. – Своим рабочим краски продают.

Тут как раз к деревянной непробиваемо синей остановке подошел выцветший автобус. Они сели и поехали в деревню Леонтьево.

Автобус сразу замотало по всем яминам и колдобинам. Вверх и вниз! Просто душу вытряхивало. А колхозники радовались:

– Как хорошо у нас дорогу поправили!

Они все были хорошие люди, с большими мешками и сумками, все между собой знакомые, по всей длинной дороге. Они очень радостно друг с другом здоровались и все-все знали.

– Смотрите, вон Марья Кочемасова с чемоданом пошла. Наверное, посуду сдавать. Стало быть, ее сын Славка с флота вернулся.

– А вон председателиевы дети на собаке катаются. Значит, телевизионный мастер из города сегодня не приезжал и все мы без кина останемся.

Геологический Володя Стороженко не выдержал и вмешался:

– Странные выводы вы, мамаша, делаете. Если ваша уважаемая Марья Кочемасова с чемоданом идет, это еще не значит, что ее сын Славка с флота вернулся. Может, Марья Кочемасова с этим чемоданом идет в «Ремонт галантереи». А

может, она с чемоданом в библиотеку направилась – книжек взять почитать.

– Да у нас «Ремонта галантереи» отродясь не было! – отвечали говорливые колхозницы. – А библиотеку у нас в Леонтьево перевели. С чемоданом она идет посуду сдавать, потому что застенчивая. Не хочет, чтобы видели, что Славка ее гуляет. А он, дурень, как приедет, все время праздничает. И дружков своих зовет. А прийти из флота ему уже давно было пора. Он уже два года отслужимши.

– Допустим, тетенька, что Славка ваш Кочемасов уже отслужимши. А откуда вы про телевизионного мастера знаете? И про то, что кина не будет? Мало ли почему председатели дети на собаке катаются!

– А председателей детей от телевизора не оторвешь. Особенно когда он хорошо кажет. Ведь сейчас, в каникулы, целая серия идет про иностранного английского мальчика Оливера Твиста. Раз дети во дворе на собаке катаются, стало быть, телевизор не работает. Стало быть, он ничего не кажет. А не работает он потому, что у нас антенна упала коллективная. Ее молнией сбросило. Значит, антенну не подняли. Значит, мастер еще не приехачи.

– Да, – сказал Володя Стороженко, – иностранный английский сыщик Шерлок Холмс – просто большой ребенок перед жителями вышневолоцкой сельской местности.

Когда приехали в деревню Леонтьево, Маша как вышла на дорогу, так за дерево и схватилась. Укачало ее. Она Володе

сказала:

– Сейчас мы быстро два источника исследуем, а потом в магазин пойдем?

– Нет, – отвечает Володя. – Мы сначала должны магазин исследовать, потому что его могут закрыть. А потом уж к источникам отправимся.

Они зашли в стеклянный магазин и стали его исследовать. Главным образом Володя Стороженко в своих исследованиях на консервы нажимал:

– Это что у вас, бычки в томате? Дайте нам немного, банок сорок. Чтобы они у вас тут не залеживались. А это что? Никак «Завтрак туриста»? Банок двадцать нам для первого раза будет достаточно. Потешим своих ребятишек. А это что? Шпроты?.. Дайте, пожалуйста, двадцать две баночки. Самые красивые.

– Вам какие? – спросила продавщица. – Латвийские или испанские?

– А нам все равно! – ответил Володя. – Мы разговаривать с ними не собираемся!

– Вы бы взяли для ваших ребятишек конфет, – посоветовала продавщица. – Побаловать их.

– Мы боимся их испортить, – ответил Володя. – Они у нас ребята без претензий, небалованные.

– Да и конфеты такие же! – сказала продавщица. – По двадцать копеек килограмм. Списанные.

– Вот это да! – ахнул Володя. – Я много чего в жизни

видал, но таких чудесных конфет не встречал. Они дешевле картошки получаются. Дайте мне немедленно на целый рубль. Только заверните во что-нибудь. А то для этого дефицита у нас места в рюкзаках не осталось.

– Я вам ящик дам, – сказала продавщица.

И достала из-под прилавка совершенно невиданный ящик. Сделанный из газет. Он весь сверкал, как облитой.

– Да у вас не магазин, – поразился Володя, – а просто дом сюрпризов. Откуда у вас такие ящики – из Италии, из Испании?

– Из нашего лакокрасочного комбината. Это у нас наладили. Берут газеты, ими форму обклеивают и лаком обливают.

– Дайте нам как можно скорее пару таких ящиков. Мы и вещи уложим, и почитаем заодно. Где тут передовица – на дне или в углу?

Продавщица насыпала им два ящика конфет, и нагруженные, они вышли на улицу.

– Что же мы, так и пойдем, нагруженные, источники проверять? – спросила Маша.

– Ни за что. Мы сейчас вещи на хранение сдадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.